

Все дело в попугае

Маргарита Берг

Маргарита Берг

Все дело в попугае

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245413

ISBN 978-5-4474-1056-8

Аннотация

Книжка по принципу ирландского рагу: все пошло в дело. Ангелы, чайки, попугаи, талисманы, авантюры, болезни, сны, письма, браки, адюльтеры, измены, ревность, города, дожди, метели, романтика, эротика, мистика, земля и небо. Смешно, страшно, и о любви.

Содержание

Глава первая. Детство	8
I	8
II	12
III	16
IV	22
V	24
VI	27
VII	32
VIII	36
IX	39
X	42
XI	45
XII	54
XIII	58
XIV	61
XV	62
XVI	65
XVII	66
XVIII	69
XIX	74
XX	78
XXI	79
XXII	83

XXIII	89
XXIV	91
XXV	97
XXVI	98
Глава вторая. Юность	101
I	101
II	106
III	114
IV	118
V	119
VI	122
VII	123
VIII	125
IX	126
X	130
XI	131
XII	135
XIII	139
XIV	142
XV	146
XVI	148
XVII	149
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Все дело в попугае

р-р-роман

Маргарита Берг

© Маргарита Берг, 2015

© Илья Крейнес, иллюстрации, 2015

Редактор Лариса Романовская

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава первая. Детство

I

– Браки – совершаются на небесах?

– Кто это спросил? Кто? Воспарите. Поправьте нимб. Ага, неопределимая ангельская сущность номер 515-ультрамарин. Снижайтесь, 515-ультрамарин. Хороший вопрос задали, как раз для начала нашего спецкурса. Совершаются ли у нас на небесах браки?. Заметьте, воинство: «на небесах», а не «на небесе тэта-далет в пятом оппозиите Малой Медведицы», где мы с вами и находимся, собственно... И это правильно, как ни странно, хотя не всем доверяют, и то, что у нас на Небесе браки как раз совершаются, – наш знак качества, наша гордость, да. А некоторым приходится обращаться с этой просьбой к соседям, у которых есть лицензия. Потому что по поводу браков... Такова генеральная политика, такова политика центральная. Ее нам спускают из самого Шарового Скопления. Не сами браки, конечно, а политику. Общую идею, так сказать.

– Значит, все-все браки заключаются на небесах?

– Снова хороший вопрос, воспарите... Нет, 763-охра, не все. Человечество велико, и даже тот его каррасс, который один вверен тому или иному Небесу, все равно весь невозможно отследить и просочетать желательным для нас образом. Но некоторый процент, который не разглашается, некоторое относительное количество браков, развитие некоторых важных для общего сюжета линий... Они действительно совершаются у нас на Небесах, и еще на некоторых... довольно-таки на многих... других образцовых Небесах с лицензией. Но в наше ведение входит не только совершение браков. Вы, воинство, должны быть готовы и к обратному. Мы обязаны проследить за тем, чтобы некоторые изначально сужденные браки ни в коем случае не состоялись!

– Почему-у-у-у????

– А что вас так удивляет, эээ... Подвиньте длань, мне не видно... Ага, 680-лимонное, воспарите, пожалуйста. Что вас так удивляет, мое дорогое? Человек грешен, причем внезапно грешен. Помимо этого, обстоятельства тоже меняются. Иногда приходится исправлять сюжет в авральном порядке, иногда какая-то линия, запланированная на продолжение, срочно должна прерваться... Всякое бывает.

И, уверяю вас, воинство, скоро вы поймете, какая это живая и тонкая работа! Однажды сужденный на небесах брак во-первых, неизбежен при личном знакомстве, а во-вторых,

практически неразрушим. А предотвратить судьбоносную встречу гораздо труднее, нежели устроить...

– А осечек... Никогда не бывает?

– 312-пурпур, я слышу в вашем голосе горячее сочувствие к людям. Это доброе, но крайне непродуктивное чувство. Во-первых, с некоторых пор, работа по разрушению предначертанных ранее браков поручается нам чрезвычайно редко. Во-вторых, что бы там ни говорили некоторые идеалисты, счастье каждого отдельного индивидуума не может быть критерием... Впрочем, на эту тему существуют разные мнения... кгхм... ведутся споры... Да, так вот, об осечках. Осечек не бывает практически никогда, если соблюдать инструкции. Обратите внимание: если – соблюдать – инструкции. По иронии судьбы, вы находитесь на Небесе, которое в недалеком прошлом едва не утратило лицензию: имело место нарушение инструкций с катастрофическими последствиями... Инцидент прогремел на все Шаровые Скопления, представьте себе... Зато мы приобрели уникальный опыт, и Центральное Скопление, большинством голосов, не только оставило нам лицензию, но и утвердило спецкурс, который успешно выпустил уже два сонма, – а наш учетный сонм равен боговой дюжине, – ангельских сущностей, и на который теперь направлен ваш сонм, то есть еще четырнадцать из Н. А. С. – Неопределимых Ангельских Сущностей.

– А что за инцидент?

– Это и есть тема спецкурса, который я призвано провести, 763-охра, достаточно воспарять, я вас уже запомнило. Снижайтесь и сосредоточьтесь. Сейчас, сопровождаемые моими простейшими объяснениями, используя Небесный Вневременной Визор самой современной модели, вы сможете снаружи и изнутри, со всех доступных и недоступных вам ранее точек зрения, исследовать Инцидент. Внимайте и ощущайте. Вы многое поймете, если захотите.

II

Это было летом шестьдесят шестого. В июне шестьдесят шестого.

Нет, это еще не была выпускная ночь, когда Нева заполняется ошалевшими от свободы мальчиками и девочками с наломанной сиренью в руках, сидящими, как голуби, на гранитных парапетах, созерцая петропавловскую свечу и опрокинувшиеся навзничь мосты из глубин своей нирваны. Это вообще был еще вечер, и довольно ранний, не позже половины десятого, экзамены еще шли, и шли сессии в институтах, но белые ночи уже подступили, и редкий счастливец, которого вся эта учебная суета не касалась уже, или, представьте, не касалась еще, чувствовал себя в почти пустынном акварельном городе, как одинокий аквариумный меченосец в гигантском и изысканном коралловом рифе.

Высокий белокурый мальчик, вчерашний девятиклассник, московский гость, тихо брел по набережной от самого Литейного моста. Возле моста Лейтенанта Шмидта, он, задрвав голову, обошел памятник Суворову, напротив Шпиля спустился к самой воде и с удивлением посозерцал привязанные к черному чугунному кольцу маленького причала две моторные лодки... Он думал обойти Зимний и попасть на Дворцовую площадь, но на полпути неожиданно передумал, вернулся немного назад, поднялся на Кировский мост

и пошел через Неву, считая высокие фонари.

– В таких фонарях должна жить специальная фея, – сказал он вслух и рассмеялся.

Тенистый Кировский, бывший Каменноостровский, проспект укрыл его листьями непонятно каких деревьев – в ботанике мальчик не был силен. Мальчик вообще не знал, куда попал, но у него были длинные неутомимые ноги. Он оставил слева Горьковскую, справа Мечеть, миновал площадь Звезды, описанную Олешей в «Толстяках», и скоро добрался до площади Льва Толстого с необыкновенным розовым домом, похожим на средневековый замок. Замок так очаровал мальчика, что он долго топтался вокруг, и даже забыл, с какой стороны пришел. Поэтому вместо того, чтобы продолжить свой путь по Кировскому к Большой Невке и Каменному острову, он повернул на Большой проспект, и шел по нему довольно долго, читая неоновые вывески, пока не добрался до углового книжного магазина медицинской книги «Гиппократ». Рядом был скверик с детской площадкой, и мальчик, поизучав книжки в витрине, присел на бортик песочницы отдохнуть.

Минуты три спустя у него над головой, на втором этаже, запахнулось окно, и молодой мужской голос сказал:

– Она не спит, потому что душно.

Сердито захныкал ребенок.

– Закрой, Лева, – звонко закричала женщина, – ну закрой же! Ты ее застудишь!

– Одень теплее, – сказал мужчина, – здесь душно, я бы спать не мог.

Ребенок захныкал в новой тональности, и мужчина нежно спросил:

– Ты, мидия! Чего тебе надо?

Мальчик в песочнице улыбнулся.

– Не обзывайся, – весело сказала женщина, и послышалась какая-то возня. – Ритуля, ну не упрямясь, давай кофточку наденем.

– По! По! По! – сказал ребенок. – Аааааа!!!

– Есть, что ли, она хочет? – пробормотала женщина. – Кушать хочешь, Ритусь?

– По-по-по, – решительно сказал ребенок. – Ааааа!!!

– ...Вот тебе салфеточка, вот тебе ложечка...

– По! – сказал ребенок и замолчал.

– Лева, побудь, я сбегаяю на кухню.

Послышался скрип дверей, и какой-то новый звук, похожий на стук металлической ложки о дерево.

– Барабанщица, – проворчал мужчина и зашуршал газетой.

Мальчик в песочнице прислушивался еще с минуту, но ничего нового не услышал, и совсем уже собрался вставать, чтобы продолжить свою одиссею, как вдруг нечто тя-

желое упало сверху, сильно стукнув его по лбу в районе правого глаза, и куда-то отскочило. Мальчик схватился за лицо, и тут услышал совсем рядом испуганное: «Ой!».

Почти сразу же наверху раздался скрип двери, и женский голос сказал:

– Нет, Лева, все-таки холодно.

И окно закрылось.

Мальчик отнял руки от лица. Над бровью поспевала шишка. Прямо перед ним стояла темноволосая круглолицая девочка его лет с бантом в толстой косе.

– Больно? – спросила девочка. – Это тебя вот чем, – и показала на открытой ладони тяжелую серебряную ложечку с ярким эмалевым попугаем на ручке: красным, синим, зеленым...

III

– Люди были не так глупы, воинство, когда придумали пацана с луком, вызывающего страстную любовь в сердцах своих мишеней. Всякому понятно, что для успешной реализации наших планов мы вынуждены использовать материальные посредники, которые, строго говоря, в момент совершения таинства чисто материальными объектами не являются. Я вижу волнение в рядах воинства. Вы можете безбоязненно задать все ваши вопросы. Да, 531-бордо, пожалуйста, воспарите.

– Правильно ли я понимаю, Вашблистательство, что мы вбрасываем в земную реальность нами тут приготовленные духобъекты, замаскированные под материальные?

– Нет, снижайтесь, вовсе нет, это было бы слишком большой затратой энергии. Мы поступаем наоборот: наделяем реально существующие материальные объекты некоей минимальной необходимой дозой. Снижайтесь; прошу вас, 515-ультрамарин?

– Этуо уозначает, что любуюой из материальных уобъектуов муожет быть испуользуован для наших целей?

– Очень хороший вопрос, 515-ультрамарин, вы прекрасно мыслите, снижайтесь. Собственно, ваш вопрос будет темой одной из лекций курса, который вы пройдете в рамках повышения квалификации на нашем небесе. Я веду лишь вводный спецкурс, посвященный Инциденту, но вкратце я отвечу вам немедленно. Воинство, вовсе не любой. Во все! Разные материальные объекты очень по-разному насыщаются духовной энергией, совсем по-разному ее хранят и принципиально по-разному управляются! Лучше всего использовать разовые объекты: маленькие, легко переносимые с места на место, сотворенные человеком предметы. Они требуют совсем небольшого заряда, превосходно управляются, и бесследно «разряжаются» спустя несколько суток...

– Сколько именно суток?

– Это зависит от массы предмета и материала, 118-ядовито-зеленое, не стоит так фиксироваться на мелочах, снижайтесь. Лучше всего использовать металл: кольца, серьги, подсвечники, серебряную посуду, статуэтки, даже зонты. Металл обладает великолепной управляемостью, на полную силу использует заряд, начисто его теряет, и легко может быть использован повторно. Для одноразового использования вполне годятся и фарфор, и кожа, и даже дерево или ткань: стаканы, каблуки, табуретки и шарфы. Реже используется бумага, пробуются пластик, но результаты пока не очень

обнадеживают.

– А крупные объекты?! Большие?! С размахом?!...

– Гм, 531-бордо, мне понятна ваша склонность к масштабным проектам, но вынуждено вас разочаровать. Такие опыты проводились раньше на недвижимости. Невероятные растраты энергии, крайне затрудненная управляемость, при полной невозможности зачистить поле деятельности: недвижимость пускает в землю как бы энергетический корень. Именно так появились «замки с привидениями», «заколдованные избушки» и прочие человеческие легенды.

– Значит, все решает связь с планетой? Поэтому не используются чисто природные объекты, типа морской гальки или цветов?

– Смотрите-ка, сколь разные сущности собрались на нашем небе. Некоторых интересуют самые крупные объекты, а некоторых наоборот, всякая мелочь...

– Ну я же не 531-бордо с его гигантоманией, Вашблестательство.

– А вот не надо хамить друг другу, соблюдайте вежливость. Снижайтесь, 118-ядовито-зеленое. Почему же, галька

вполне подходит, она оторвана уже от больших природных масс. Другое дело, что отличить заряженный объект от миллионов ему подобных совершенно невозможно, поэтому метод не пользуется у Н. А. С. (Неопределимых Ангельских Сущностей) популярностью.

Что же касается растений... Это живые объекты, и нам запрещено их использовать для наших целей. Именно нам и именно запрещено. Я имею в виду, что есть ведомства в Скоплениях, которые используют живое для своих целей. Живое многократно усиливает попавший в него заряд, замечательно управляется. Но самостоятельно не деактивируется, а спустя некий срок, варьирующий от двух дней до полугода, просто погибает... Насколько мне известно, когда приходится использовать высших животных, Скопления попросту поселяют в такого зверя какую-нибудь провинившуюся ангельскую сущность, и та, выполнив задание, возвращается на свои Небеса.

– А зверь? ... Как же зверь?...

– ...Ну что зверь, мое дорогое 312-пурпур?... Сами понимаете, увы.

– А если... А если...

– 147-небесно-голубое? Я вас слушаю, не волнуйтесь,

формулируйте, прошу вас.

– А если этим животным... Будет... человек?!

– Тихо, тихо, воинство. ... Тихо, успокойтесь. ... Хотелось бы от такой способной и творческой группы побольше самообладания. Прошу вас, успокойтесь, мы как раз добрались до самого главного.

Итак. Главный вопрос задан. Что, если вдохнуть энергию в одушевленное и полноценное человеческое существо? ... Тихо, мои дорогие. Да, такие эксперименты, видимо, проводились, потому что библиотеки содержат некоторые скудные сведения о возможностях и последствиях такого шага. Из этих документов известно следующее. Человек-«проводник», или посредник, как его называют в древних книгах, вовсе даже не умирает. Посредником, неизвестно почему, может быть только женщина, причем любого возраста, но бездетная. Женщина, однажды получившая вливание «духовной энергии» нашего типа, достаточной для однократного использования металлического предмета весом примерно пятьдесят грамм, заряд не теряет никогда. Единственное, что может лишить ее заряда, – если она станет матерью, произведет на свет ребенка. Что произойдет тогда с отпущенной энергией – книги умалчивают, а также умалчивают о преимуществах и недостатках управления таким посредником... Что, впрочем, неудивительно, так как, сами

понимаете, использование Человека в качестве посредника с незапамятных времен категорически воспрещено по этическим соображениям.

– Извини-и-те, извините! Почему же тогда вы, вы, которое должно быть нам примером, так подробно рассказываете нам об этой... преступной, категорически запрещенной высшими инстанциями, возможности?

– А потому, 228-фуksия, что не столь давно это невероятное, ужасное нарушение правил, которое мы теперь называем Инцидентом, все же произошло.

IV

Мальчик Миша родился в конце послевоенного пятилетия у Ирочки Олениной, студентки московского химико-технологического института, юной жены молодого врача. Отца своего, Николая Сергеевича, Миша не помнил: тот погиб в полярной экспедиции, когда мальчику только-только исполнилось два года. Как часто бывает в подобных случаях, родители Ирочки, мучительно жалея юную вдову и мечтая, чтобы она снова устроила свое счастье, почти полностью взяли заботы о мальчишке на себя. Впоследствии Миша вспоминал свое «внучатое» детство как времена безопасные, теплые, и очень скучные. Мальчик был красивый, умный, и не то чтобы очень способный, а именно – развитой: бабушка постаралась особенно, она была «из прежних», в родстве с русской и немецкой знатью. Вряд ли кто-то мог тогда поверить, что Миша на самом деле вовсе не такой благополучный ребенок, как кажется. Отношения дома были родственные, но какие-то «умственно далекие». Мальчик получился живой, эмоциональный, искал дружбы и понимания. Все это не очень-то складывалось дома... Зато были книги. Дорогу в Ленинскую библиотеку Миша хорошо запомнил еще в пионерском возрасте.

Когда Мише исполнилось шестнадцать лет...

Тут кое-что совпало.

Во-первых, Ирочка снова вышла замуж, и у Миши родилась маленькая сестричка. С отчимом Миша не особенно поладил. Отношения с матерью естественным образом стали еще более далекими.

Во-вторых, в летние каникулы с девятого на десятый класс Миша поехал в Ленинград, и там познакомился с девочкой по имени Нина. По странному совпадению, Нина тоже перешла в десятый класс, только другой московской школы, и тоже, используя последнее свободное лето, поехала погулять по Ленинграду. Там между Ниной и Мишей вспыхнул настоящий юношеский роман – роман взглядов и стихов, – и произошло некое решительное объяснение. Они решили, что нечто связало их, нечто важное и взрослое. Нечто, что будет теперь властвовать над ними...

V

– ...Успокойтесь, воинство, сейчас расскажу. Никакого сознательного вредительства, чистая безалаберность и желание выслужиться любой ценой. Двое из Н. А. С...

– Из кого это «из нас»?...

– Двое из Неопределимых Ангельских Сущностей, 32-индиго, не выкрикивайте с места. Две молодые, глупые ангельские сущности, ответственные за совершение браков на наших Небесах, перерасходовали энергетические лимиты. Ну, вы понимаете: осуществление сужденных браков в подведомственном материальном мире требует энергозатрат. Организация встреч, особенно для неопытных брачующих ангелов, – дело достаточно сложное, нередко не сразу удастся, особенно если использовать неправильно выбранную вещь-посредник. Перерасход лимитов в нашей тонкой области – уж никак не редкое событие, уверяю вас. Брачующим ангелам стоило бы просто рапортовать и получить свое рутинное взыскание и запрошенные резервы. Вместо этого они запаниковали: перерасход, видимо, по причине недостатка квалификации, был очень велик; скорее всего, они в течение десятка-другого земных лет безуспешно экспериментировали с крупными предметами, вроде автомобилей. Ангелы ду-

мали, что лимиты автоматически возобновляются с каждой распечаткой заказа, спускаемой из Скопления. Но в Центре тоже не дураки сидят, они учли объем проделанной работы и решили, что отпущенных лимитов нашим Небесам легко хватит еще лет на десять. И спустили новый заказ. Представляете ужас брачующих ангелов: для выполнения заказа, по самым скромным подсчетам, им требовалось примерно в девяносто раз больше энергии, чем оставалось в их распоряжении. Этим остатком можно было три-четыре раза зарядить металлическое колечко, или максимум дважды – серебряную ложечку...

Теперь вы понимаете, как именно пришла к этим сущностям под нимб столь чудовищная идея?... Да, 515-ультрамарин? Воспарите. Что-то непонятно?

– Вашблестательству, я хотелу бы спросить. Нуо каким уобразуом муожнуо уосуществить такоуе? Ведь Человеческая Душа не муожет быть временнуо изгнана из своегоуо телеснуоуо уобиталища и заменена даже Ангельскуоуо Сущнуостью, не гуовуоря уже уо буолее прюостых фуормах духуовнуоуо энергии, куотуорыми, как я пуонялуо, пуользуются при «зарядке» неуодушевленных предметуов?

– Спасибо за разумный вопрос, снижайтесь. Конечно, с Человеком все не так просто. Духовная энергия прикрепляется к структуре собственной личности Человеческого

Существа. Чтобы такое произошло, необходимо провести сложную процедуру инициации. В ней используется обыкновенный материальный духонакопитель, который люди называют «талисманом»: предмет, которому вверена удача того или иного человека. Человек должен воспользоваться своим талисманом как материальным посредником в заключении сужденного брака, «отдать» его другим людям. Таким образом, он, то есть, она, как бы отказывается от собственного счастья в пользу других...

VI

...Младенец Летичевская Маргарита Львовна, тринадцати месяцев от роду, проживала в небольшой респектабельной коммунальной квартире. С ней проживали также ее мама-аспирантка, папа-электрический инженер, бабушка и дедушка – родители электрического инженера, пенсионеры. Это немаленькое семейство занимало две комнаты с высоким, одним на обе, лепным потолком, вместе составлявшие некогда фортепьянную гостиную.

Кроме Летичевских, в коммуналке обитало еще три семьи. Корягины: девочка Ира, на год старше Риточки, ее мама Тамара и бабушка Нина Ларионовна, – проживали в двух смежных комнатах поменьше размером. Дед Данила (деду было лет пятьдесят) с догом по кличке Тарзан занимали большую, всю в зеркалах, комнату, шикарно отремонтированную ныне покойной женой хозяина пару лет назад. Рядом, в маленькой комнатке, увешанной театральными афишами, с трудом помещалась баба Юля – балерина на пенсии, примерно того же возраста, что сосед.

Нельзя сказать, что младенец Маргарита Львовна проживала в этой квартире долго. Ей не было еще четырех лет, когда ее родители уехали в свежестроенную кооперативную квартиру на Гражданском проспекте. Правда, Ритусю

они забрали с собой не сразу. Еще год или полтора в будние дни Ритуся выходила гулять с бабушкой в песочницу в скверике под окном, боялась Тарзана, бегала в гости к девочке Ире и грызла конфеты, которые ей тайком презентовала изысканная, вся в синих тенях и искусственной седине, баба Юля. А по пятницам вечером за Ритусей приезжали веселые родители, чтобы забрать к себе на выходные и непременно выкупать в белоснежной кооперативной ванне. О, это была целая традиция! Ритусю тщательно одевали и, на время остальных сборов, высаживали на огромный черный диван, стоявший в коммунальном коридоре возле двери Летичевских. Там Ритуся прыгала по потертому кожаному сиденью и однообразно отвечала на однообразные вопросы пробегающих соседей:

- Риточка, кто за тобой приехал?
- Папа с мамой!!!
- И куда ж ты с ними собралась?
- В баню!!!

Дед Данила говорил в этих случаях:

- О-о-о-о-о!!!

Тарзан говорил:

- Гав-гав!

Девочка Ира завистливо говорила:

- Подумаешь!

Все остальные же говорили:

– Ну молодец, Ритуся, молодец.

Напрыгавшись, Риточка устало усаживалась на круглый скользкий подлокотник и начинала изучать узоры на потолке, лепном в коридоре, как и во всех остальных помещениях. Однажды она так увлеклась, что свалилась с ручки на пол и громко завопила. Перепуганное семейство выскочило в коридор и начало тащить девочку каждый к себе, что добавило переполоху. Внезапно Риточка замолчала, отпихнула от себя мать и бросила странный, не очень детский взгляд в глубь широкого коммунального коридора, туда, где белели двери соседей.

– Мама, – спросила она, – почему дед Данила стенку не пробьет?

– Что???...

– Там надо... дверь в стене. Будет правильно, хорошо, – объяснила четырехлетняя девочка, – Юле тесно. А так сделают много места. Тарзану бегать. Почему?

Взрослые расхохотались.

– Риточка, но ведь они не родственники. Они каждый сам по себе. Каждому нужна своя комната.

– Как же не родственники? – неожиданно возразил ребенок. Слово «родственники» она выговаривала с трудом. – Они должны вместе. Будут вместе – будут родственники. Им нужно вместе!!!

Довольно скоро после этого забавного разговора ритино семейство обменяло свои комнаты и двухкомнатный кооператив на хорошую трехкомнатную квартиру в районе той же самой Гражданки, и покинуло навсегда свое коммунальное гнездо.

Новая квартира располагалась недалеко от угла Северного и Гражданского – в те времена это казалось страшной глушью, а потом новостройки на севере разрослись до невиданных размеров. На круглой площади без названия, где позднее построили два дома-трилистника, и где всегда было кольцо некоторых троллейбусных маршрутов, кто-то неудачно пытался пристроить наглядную агитацию. Стоял там такой сиротливый столб с гордой надписью «СССР». Ни дать ни взять, государственная граница перед въездом в ГДР («Гражданку Дальше Ручья»), которая начинается после пересечения Гражданским проспектом речки-г*внотечки под названием Муринский ручей...

Спустя пару лет, волею случая оказавшись на Петроградской, риточкин дедушка зашел проведать прежних соседей, и с изумлением обнаружил, что Данила и Юля живут одной семьей, да еще и нянчат свежеиспеченного данилиного внука, подброшенного им юными родителями. Тарзан за это время умер, и его место занял симпатичный спаниель. Пробили ли Данила и Юля дверь между своими комнатами, осталось неизвестным, а о разговоре с Ритусей дедуш-

ка не вспомнил по причине возрастной забывчивости.

VII

– Вот такой факт, воинство, вот такой факт. Именно на этом факте, мои дорогие, я бы сосредоточило на вашем месте внимание, а не на тех милых картинках, которые вы с таким удовольствием рассматриваете. Да, годовалая Риточка, сидя на руках у матери, сбила соломенную шляпу с головы молодой женщины, стоявшей рядом на автобусной остановке; шляпу унесло ветром, и ее поймал на проезжей части некий джентльмен. Да, двухлетняя Риточка, отдыхая у моря, наступила на песочный замок, возведенный молодым человеком из Обнинска, и случайно пробежавшая мимо бакин-ка почему-то кинулась помогать строителю устранять повреждения. Да, трехлетняя Ритуся потерялась в универмаге ДЛТ, и «среднего роста, плечистый и крепкий»¹ спаситель котят и детей за руку привел ее в дирекцию, в объятия перепуганной бабушки, которую как раз отпаивала валерианкой симпатичная заведующая отделом игрушек... Все правильно, мои дорогие, эти и другие запланированные браки, некоторые не под нашими Небесами, а по заказу смежников, были выполнены, при помощи живого посредника, достаточно чисто и в срок. Но я прошу еще раз: обратите внимание на историю бабы Юли с дедом Данилой... Запомните эту историю, воинство!

¹ Цитата из стихотворения С. Маршака «Рассказ о неизвестном герое»

Гм, гм, я тут должно заполнить какой-то лист посещаемости. Неплохо было бы познакомиться с курсом поближе. Так... Кто у меня тут? 515-ультрамарин, вас я уже знаю, вы кажетесь умным и вдумчивым студентом. Вы собираетесь профессионально заниматься брачеванием?

– Я, Вашблистательствую, суобираю материал для диссертации на звание младшегоу научноугоу архангела теуретическуугоу реалуоведения. Пуо теме «экзуотические уобычай реальных существ, связанные с размножением».

– Э-э-э. А разве под нашим Небесом, тут, на Земле, они экзотические?

– Видите ли, для меня – да. Я появилюсь на свет пуо ту стуюруону Шаруовуугоу Скуопления, в туом региуоне, где Небеса занимаются планетуой разумных гептарукуов. Дуо сих пуор, знаете ли, не муогу привыкнуть, что здесь ангелам пуолагается нуосить всеуго две длани – целикуом пришлюсь гардеруоб менять.

– Ой, а как это – гепта.. гепто? Что?

– Это вы – 26-поросячье-розовое? Гм, гм... Ну оттеночек у вас, честно говоря... Ладно, воспарите.

– Гептаруки. У них семь куонечнуостей.

– Ой, а у меня была парочка знакомых осьминогов, у них восемь. В прежних рожденьях. Но все какие-то неразумные...

– Эй, розовое! Конечно, они неразумные! У них же ноги, понимаешь? А тут – руки! Совсем другое дело!

– 926-белая ночь, воспарите. Что это за «эй»? Что за цыганщина в обращении к дружественной ангельской сущности?... Кстати, я вас отмечаю. А аудитории предлагается прекратить хихиканье.

– Ах вот оно что! Наверное, вы правы...

– Конечно, я право. Тут преимущество в одну штуку роли не играет. Тут вопрос качества! Руки – это не ноги!

– А как они женятся?

– Кто, ноги?

– 926-белая ночь, снижайтесь, это не к вам вопрос. 515-ультрамарин?

– Не знаю, как женятся ваши знакуомые. Муои прежние пуодуопечные не женятся. Уони, знаете ли, пуочкуются в семдесят девятый день каждоугоо третьегуо гуода, причем уоднуоременнуо. И все пуотуомствуо чуть-чуть уотличает-ся уот руодителей уоттенкуом цвета, в стуоруону уот краснуогуо к фиолетуовуому, а пуотуом уобратнуо. Пуоэтуому вуозраст и старшинствуо там уопределяют пуо цвету.

– Ух ты!... А я вот как раз хотело бы брачевать. Но еще не определилось окончательно.

– Снижайтесь, 26-поросячье-розовое. Я отметило вас. И вам спасибо, 515-ультрамарин. Очень много учебного времени уходит, так нельзя. Давайте-ка, воинство, вы пока к визору. С остальными я потом поговорю. Вернемся к нашей героине.

VIII

В первом классе была у Ритки подруга Таня. Она жила в соседнем подъезде и командовала Риткой, как хотела. Ритуся росла ребенком скромным, где-то даже забитым, а Таня уже в семилетнем возрасте была светской девушкой, чувствительной к успеху у противоположного пола.

В ту пору большой популярностью у младших школьников пользовался фильм «Тайна железной двери», такое поучительное кино про мальчика-волшебника, у которого были спички в коробках с надписью «ЯВВ» («Я – великий волшебник»). Когда Ритка через несколько лет снова посмотрела фильм, то обнаружила, что мальчик-то – отрицательный персонаж. Но тогда, в первом классе, этот факт совершенно ускользнул от ее внимания. Главное, что Таньке мальчик-волшебник понравился.

И началась бесконечная череда рассказов о мальчике-волшебнике, который прилетает по ночам на ковре-самолете и забирает Таньку на волшебные балы. Описывались и рисовались платья и короны, дворцы и сады, немыслимой красоты и великолепия ночная жизнь. Чтобы Ритка не завидовала сильно, был даже придуман гипотетический брат волшебника, который вот-вот появится и пригласит ее туда же. А самое главное – мальчик-волшебник подарил девочкам коробок волшебных спичек. Только почему-то он не может де-

вочкам эти спички передать ночью. А днем не может в нашем мире появиться. Поэтому спички он оставил. Они где-то тут. Их просто надо найти.

Весь первый класс, с сентября по апрель месяц, Ритка с Танькой искали коробок волшебных спичек. Перелазили по всем крышам и подвалам, обследовали лужи, пустыри и стройплощадки. Красный коробок с надписью «ЯВВ» не находился никак.

За это время Ритка стала подозревать, что ее бессовестно дураят. Танька тоже поняла, что надо что-то предпринимать. И вот, в один прекрасный день в начале апреля, она принесла обыкновенный серо-синий спичечный коробок, и сообщила, что с него просто содрана наклейка. Вот они, волшебные спички!

Спичек оказалось внутри всего две. По желанию на брата, в смысле, на сестру. Девчонки договорились подумать до завтра.

А назавтра танькин старенький дедушка ушел с бидоном в магазин и бесследно исчез. Танька была добрая девочка. Она переживала это несчастье совершенно искренне. Неизвестно, верила ли она сама в волшебную силу спичек, но она загадала желание: чтобы дедушка нашелся поскорее.

У Ритки дедушка не пропал. Ритка загадала велосипед, который ей смутно, с десятком различных «если», сулили на следующий учебный год.

Танькин дедушка нашелся через сутки, живой и невреди-

мый: в силу старческого маразма заблудился в собственном районе. Велосипед Ритке был – с бухты-барахты, без всякого формального повода, – подарен через девять дней.

И пусть кто-нибудь скажет, что спички не были волшебными!

IX

– Я показало вам эту историю в основном для того, чтобы упомянуть о позднейшем продолжении. Да, продолжение вас правильно беспокоит. Да, лет десять спустя, в случайной студенческой компании, наша подопечная увидела парня, напоминающего чем-то того детского киногероя. Компания собиралась у другой ее бывшей одноклассницы, и наша подопечная вдруг, ни с того ни с сего, присоветовала хозяйке: «А пригласи Таньку, а?» – «Не могу, – удивилась хозяйка, – с ней такой-то и такая-то не ладят...» – «Ну не сегодня пригласи. Пригласи без них. Вот этого только... как бишь его? Сережа? Сережу пригласи тоже.» И не то, чтобы хозяйка запомнила этот полушутливый наказ... Но, видно, что-то отложилось в подсознании, потому что через пару месяцев, на кавголовском пляже, она все-таки соединила в одной волейбольной компании Татьяну и Сергея. У них два сына. Наша подопечная ни о чем об этом так никогда и не узнала...

Так, что тут у меня со списком? Кое-кого я запомнило уже. 312-пурпур – это такое трепетное, которому зверей жалко. Были у меня такие знакомые, гм, гм. Не лучший способ сделать карьеру, да. Снижайтесь, снижайтесь, я вас отметило. 228-фуксия? Тоже помню! Очень законопослушная сущность, задает острые вопросы, гм, гм...

– Вот так всегда! Кто выпендривается, у того и репутация. Потом, небось, все зачеты автоматом.

– Вас я тоже помню, 118-ядовито-зеленое. Вас трудно забыть. Не волнуйтесь. Хватит, хватит, воинство, не отвлекайтесь. У вас там начинается ранний подростковый возраст. Поговорим о подопечной в этом возрасте. Нам с вами предстоит понять, как росла и развивалась Личность, чтобы под нимбами нашими хоть как-то уложилось случившееся впоследствии...

Как вы думаете, дорогие мои: имеет значение то, что происходит с Человеком в одиннадцать лет? – если только это никак не связано со здоровьем, с родителями, с семьей, со сменой школы там (тогда-то понятно, что имеет, и еще какое) ... А вот незаметненькое, как дружбы и первые влюбленности, первые подростковые комплексы, – в общем, вся, так сказать, «жизнь души», по поводу которой случайно заглянувшие в секретный дневник родители начинают улыбаться, с трудом сдерживая фырканье?

...А не может ли так быть, что в детстве-отрочестве случается главное, определяющее потом судьбу: человек уверяется в той или иной степени чудесности мира? Ведь это очень важно. В кино показывают принцев на белых лошадях, сплошные золушки и романтические мезальянсы, и в среднем пионерском возрасте разумный ребенок начинает догадываться, что все эти чудеса если и бывают, то очень-пре-

очень редко.

И еще он смотрит на себя в зеркало.

X

Одиннадцатилетняя Ритка тоже смотрела, и видела неуклюжего чертенка-переростка, вечно лохматого, волосы жесткие рыжие мелким бесом, конфигурация квадратная, все конечности отдельно, нос картошкой, губы пухлые до вывернутости, и большие очки в пластмассовой черной оправе. Мечта советского пионера, что и говорить.

Бывают такие нимфетки, которые от рождения уже женщины, и их не так уж мало. Но не Ритка. Только не Ритка. У Ритки было устройство классического «гадкого утенка», причем в соответствующей фазе настолько гадкого, что лишь лет с тринадцати она стала с замиранием сердца понимать, что все не так уж плохо...

Наверное, это важно помнить, чтобы понять, откуда она потом вообще такая – с придурью – взялась. Женщины, не прошедшие период лебединой гадкости, растут немного иными: они не пережили в юности несомненного чуда преобразования, и в волшебство верят реже. К Ритке же чудеса пришли даже раньше этого главного женского чуда. Первое – как раз в одиннадцать лет. До него Ритка всегда смотрела на жизнь сквозь пелену тумана. Без очков это была пелена близорукости, а в очках – пелена слез.

Для вас, очки не носящих,

Прекрасное все обычно:
Воды ледяная прозрачность,
Контрасты цветов различных,
Край облака, четко видный,
Девчонка в окне напротив...
До боли я вам завидую,
Но вы меня не поймете...

А для меня все нерезко
И, как сквозь слезы, нечетко:
Как пластиковая завеса,
Как в белом тумане лодка.
И, чтобы увидеть правду,
Я на нос очки надеваю.
И словно в иную радость,
В иную жизнь уплываю.
Глаза мои режет счастьем,
Красою мира единой...
Сниму – и снова ненастье
Моих минус трех с половиной.

Идем мы вместе с дождем —
Он на землю, а я домой.
Но мы никогда не придем
В тот праздничный мир другой.
Этот дождь – только мой, навек,
От него никуда не уйдешь.
Кто докажет, что человек
Не может в глазах носить – дождь?

Вот такой печальный дождевой ребенок поехал в пионерский лагерь от завода папы Льва Петровича. Смена первая. Отряд четвертый. Сорок одиннадцатилетних персон обоего полу. Ритка всегда ненавидела пионерлагеря.

XI

...И председатель совета отряда Андрей Мелентьев, по прозвищу Командор. На «выборах» мальчики сразу прокричали это имя. Девочки не возражали. Даже Марина Лебедева. И странно было бы, если бы возражали. Высокий сероглазый мальчик с тремя веснушками на каждой щеке и неуловимой смешинкой в углу рта. Взрослая повадка: спокойный, с достоинством. Четкая грамотная речь. Ловкость. Независимость. Начитанность и знания, еще высоко ценимые в этом возрасте в более-менее здоровых мальчишеских компаниях. Никакого нарочитого пренебрежения к девочкам, наоборот: предельная вежливость – безличная и безразличная к персоне, одинаковая ко всем, от Марины Лебедевой до несчастной толстухи по прозвищу Жиртрест. Умение танцевать, наконец... Харизма, короче. Кинозвезда...

Девочки четвертого отряда умерли на месте все. Дружными рядами, включая Марину Лебедеву. Тип «примы» Лебедевой всем знаком: женственная и жестокая кокетка в мини-юбке, с длинными темно-каштановыми патлами, – первая красавица на пионерском отряде, к которой жмутся девочки, надеясь погреться в переизбытке мужского внимания, направленного сюда. У Ритки дружбы с такими никогда не получалось, она инстинктивно сторонилась этих дам, чем всегда заслуживала у них пару взглядов презрения или жа-

достливого недоумения.

Представьте себе Ритку их глазами. Она и в пору самого что ни на есть женского цветения юбки-мини носить не особенно умела, а уж тогда... Бесполое создание в бесформенных штанах и старых кедах, до ушей набитое непопулярными книжными сюжетами, готовое обсуждать только проблемы смысла жизни и собственные доморощенные соционические теории...

Марина эта Лебедева, наверное, думала, что Ритка вообще мальчика от девочки отличает с трудом. Ага, как же. Что ж она, слепая? Достоинств Командора лучше Ритки оценить никто не мог. Исходные свои эмоции Ритка в дальнейшем подзабыла, но, скорее всего, это было похоже на позднейшую влюбленность в артиста Старыгина в роли Арамиса²: сладостно, тоскливо и абсолютно невозможно...

Сама прима, конечно, претендовала. На ритмике приму и Командора всегда ставили в пару, и у Ритки прямо перед глазами стояли наяву и во сне эти красивые па, которые у них получались. Позже она поняла, что такие изыски возможны только, если в паре по-настоящему ведет партнер...

А на Ритку учительница ритмики всегда смотрела, слегка искривив губы вниз: пыталась определить пол. Мальчиков в отряде было меньше, чем девочек, поэтому Ритку она ставила за партнера с какой-нибудь мелкой толстушкой: види-

² Игорь Старыгин сыграл Арамиса в фильме Г. Юнгвальда-Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетера», 1979 г.

мо, так Ритка меньше раздражала ее эстетическое чувство...

Командор с Мариной был галантен, приветлив, хорош. И отстранен. Потрясающая способность у одиннадцатилетнего мальчика. То, что Ритку потом всю жизнь цепляло за живое в опытных и глубоких мужиках: непроницаемость. Это так он себя вел с самой Мариной Лебедевой. Ритка даже не грустила. Смысла в такой грусти было – ноль. Чудес не бывает...

Началось все с того, что вожатая, немного знавшая риткиного отца, поручила ей помочь Командору с газетой. Редколлегию составили сам Андрей, его верный Санчо – флажконосец отряда Сашка Гордеев, и Ритка.

Сашка рисовал. Остальные должны были писать. Ритка не помнит, как они заговорили с Андреем впервые. Зацепились языками. Очень зацепились.

Отрядная стояла на отшибе, в зеленой сосновой чаще, если бывают вообще сосновые чащи. Как-то так постепенно получилось, что они начали проводить там целые дни. Одна газета кончалась, начиналась другая. Потом какой-то сценарий. Потом что-то еще...

Интересно, что Ритка совершенно не запомнила, о чем разговаривали. Видимо, обсуждали-таки проблемы смысла жизни и соционические теории... И книжки, вероятно. Но не запомнилось. Запомнились только внимательные серые глаза, которые гипнотизировали Ритку, как удав кролика. И еще странное ощущение своей новой улыбки. Как-то

иначе у нее стали раздвигаться губы: бесстрашно и хитро, и задор какой-то передавался щекам... Ритка не видела себя, но от лица Андрея, когда она случайно улыбалась, отражалось что-то неуловимое, какая-то оранжевая искра, удивленный веселый ответ. И Ритка сразу пугалась, вспоминала свое убийственное отражение, сникала, прятала лицо...

...Сначала Ритка поняла, что ревнует Сашка Гордеев. Командор уделял ему слишком мало внимания. Санчо Панса поглядывал на Ритку недовольно. Это стало совершенно поразительным открытием: другие признали объективность происходящего, другие тоже убедились, что Командор предпочитает риткино общество!

Потом Ритка поняла, что об этом знают и вожатые. А потом поняла, что об этом знает сама Марина Лебедева. В один прекрасный день Марина Лебедева, ни с того ни с сего, вдруг принародно сообщила Ритке следующее:

– Я тебе завидую. Ты – красивая.

– Я?! – Ритка обалдела и сделала попытку подумать. Получилось плохо. – Да нет, ты что, – сказала Ритка, – если бы вот еще не очки... А так...

– Очки-не очки, – сказала Марина Лебедева, – Красивая ты. А я нет. – И отвернулась. А Ритка пошла прочь, покачиваясь на ходу от потрясения.

Ритка так никогда и не узнала, что это было и почему, какой пристеб-розыгрыш затевала прима, и кто хохотал у Ритки за спиной, если хохотал. Произошло невероятное: вопре-

ки очевидности, Ритка Марине поверила. И вечером, когда бездарно споткнулась о сосновый корень и растянулась на земле у самого входа в отрядную, спокойно приняла руку Командора, протянутую на помощь. Еще вчера Ритка бы сделала вид, что не заметила ее. Но не теперь. Теперь она стала красивой. Потому что ей сказала об этом могущественная соперница... Вот что прима с Командором сделали вдвоем.

В конце смены у третьего, четвертого и пятого отрядов был общий «огонек». Проще говоря, вечер. Еще проще говоря, танцы. Одиннадцатилетки! Вопрос: «Кто?! кого?! пригласит?!» – был просто судьбоносным. Мальчик в этом возрасте, приглашая девочку танцевать, подписывал любовное письмо, вывешенное на столбе для обозрения.

В одиннадцать лет Ритка уже точно знала, что на танцах всякие глупости, вроде совпадения литературных вкусов, не работают. Если мальчик приглашает девочку, значит, ему нравится именно девочка, а не соратник по редколлегии. Ритка надела нарядный фиолетовый костюм из узкой юбки с блузкой. Это была чуть ли не первая не-форменная юбка в риткиной жизни. Ритка гнала от себя подозрение, что выглядит нелепо. Ритка подкрасила ресницы. Ритка сняла очки. Ритка изо всех сил тянула вверх шею из открытого ворота, не потому, что так хотела, а потому что внутри у нее была предельно натянута какая-то струна. Все решалось.

Сашка Гордеев забежал перед «огоньком» к своей девочке Ирочке, увидел Ритку перед зеркалом, – и злорадно фырк-

нул на всю палату:

– Что, думаешь, Андрюха тебя пригласит? Как бы не так!
Выражал общее мнение.

...Ритка сидела в самом конце длинного отрядного стола, далеко от Командора, и без очков его вообще не видела. Танцы на этом идиотском мероприятии предполагались только в самом конце, и почти все – быстрые. Когда зазвучал первый медленный танец, Ритка перестала дышать. Перестала совсем. Без приговора она дышать дальше не хотела и не могла.

...Он все всегда делал первым, он должен был кого-то пригласить. Ритка уже понимала его немного. «Вот сейчас он пригласит Лебедеву, я умру, все расслабятся, и мучение мое прекратится, потому что даже последующие насмешки будут уже не так страшны, как это ожидание гильотины, ...» – примерно так думала Ритка.

Если бы Командор промедлил еще пару секунд, она могла бы потерять сознание. Вокруг нее и так все заколебалось и расплылось. Осталась сфера теплого золотисто-коричневого света, и в ней внезапно возник высокий мальчик в отглаженной темной рубашке. Ритка не помнит, как он шел ко ней, она восприняла только мгновение, когда Командор сдвинул каблуки и резко наклонил голову в заученном жесте танцевального приглашения...

Потом у Ритки было много историй, любовей, побед, красивых жестов, и прочая, и прочая. Но больше никогда в жиз-

ни она не испытывала настолько полного, острого, счастливого торжества, как в ту секунду в деревянном клубе заводского пионерлагеря, когда высокий мальчик среди громкой музыки и – одновременно – потрясенной тишины стоял перед ней, подчеркнуто наклонив голову. Она не видела ничего вокруг, но третьим глазом и шестым чувством ощущала, сколько досады, зависти и недоумения сейчас в десятках глаз, ее разглядывающих. Командор предпочитал ее. Несмотря на то (или даже благодаря тому), что она встречала тогда в зеркале по утрам.

И вот, решив жить дальше, Ритка вдохнула воздух этого нового мира, ее собственного мира. Подняла руки Командору на плечи. Глаза у него – она готова была поклясться! – сияли. Двое, без умолку проболтавшие до того полсмены, провели длинный-предлинный танец в странном медовом молчании, нанизанные на ось высокого напряжения между двумя парами глаз, и легко-легко касаясь друг друга... На них смотрели. Ритка стала бояться своего счастья. Вдруг подумала, что он ее пожалел. Ведь он умница, наверное, понимал, каково ей. Не может быть, думала Ритка, глядя в потрясающие эти серые глаза, чтобы он взаправду...

Тем не менее, когда следующим объявили белый танец, Ритка почти побежала в нужном направлении, – боялась, перехватят! – с ужасом понимая, что без очков не видит, куда бежит... Ах, как он метнулся ей навстречу, этот самый недостижимый принц! Ритка узнала его в секунду, когда он

перепрыгивал скамейку. Тогда она поняла, тогда все поняли – нет. Не пожалел. Все правда.

На третий медленный танец, почему-то снова объявленный белым, Командор был-таки перехвачен большой спортивной девушкой Катей, тоже в него влюбленной – она добежала быстрее всех. Ритка поймала смущенный взгляд Андрея и улыбнулась. Танцы кончились, но она не огорчилась. Теперь все было впереди...

И все оказалось позади. Так случилось, что на следующий же день родители забрали Ритку из лагеря. Она даже не успела попрощаться с Командором. Ритка оставила у своих подруг адрес для Андрея, но записка до адресата не дошла. Значительно позже третья девочка рассказала, что он искал Ритку, но Люба и Вика адреса ему не передали, потому что он им самим нравился. А Ритка и не подозревала. Напрасно ей не пришло в голову, что нужно было передавать записку с адресом через Марину Лебедеву. Та из гордости не стала бы мухлевать.

Из разговоров с Андреем Ритка знала, что в лагере этом он оказался случайно, одноразово, так сказать. За год она привыкла к идее, что больше никогда Командора не увидит, и на следующее лето вообще в лагерь не поехала. А еще через год, уже тринадцатилетней пышкой, оказалась там же в первом отряде: была моложе всех на класс. И с удивлением в середине смены обнаружила Командора среди мелких мальчишек второго отряда. Андрей относился к позднорастущей

породе юношей. Ритка же видоизменилась так, что он ее вообще не узнал...

Не судьба была, вероятно.

Не судьба.

Но многие годы потом Ритка рада была бы повидать Андрея Мелентьева. Чтобы сказать, как она ему благодарна. За тот золотистый вечер, за сияющие серые глаза, за детский глупый эпизод, который он, наверное, и не вспомнит уже, а Ритка запомнила на всю жизнь. Запомнила, что чудеса бывают. Что они бывают не с артистами и принцессами, а с нами и для нас. Что они бывают с ней лично. Что имеет смысл быть самой собой, потому что ее можно любить, и ее будут любить, и ее будут любить именно те, кого будет любить она сама.

«Ранний импринтинг,» – сказала бы взрослая Рита. – «Прививка от комплексов на всю жизнь. Спасибо, Командор.»

XII

– Позднее наша подопечная называла такое: «противофаза». Те, кто устроил ей это удовольствие, подхватили удачное словечко, и мы тоже будем его использовать. А тогда она еще не знала, что несовпадения такого рода будут случаться в ее жизни так же постоянно, как чудеса... Об этом позаботились ангелы-растратчики.

– Но почему?!

– 32-индиго, почему вы выкрикиваете с места? Хорошо, я отвечу, только сначала вас отмечу. Вот непростой студент на мой нимб, дисциплины никакой. Да, так вот. Счастье для посредника не входило в их планы. Не говоря уже о том, что счастливые женщины чаще норовят кого-нибудь родить, просто мятущийся человек в поиске гораздо мобильнее и удобнее для использования в известных целях.

– Ой, ну какое свинство!

– 312-пурпур, ваша точка зрения всем уже понятна. Давайте продолжать. Кто из Н. А. С. дежурный? Воспарите, 680-лимонное. Мне надоело с визором возиться, его надо сдвинуть на два года вперед. Там торчит хороший пример

противофазы как раз.

– Ой, а я не умею... У меня всегда эти заглядывания в прошлое показывают одно мытье посуды. Почему вот так, а? Почему мне так всегда не везет?

– Ну, так действительно бывает. Прошлое – оно в тучах все. То есть, не в настоящих тучах, конечно. Это такие тучи специальные... Они все заволакивают. Вот если с нашего небеса посмотреть вниз на горы, когда там погода плохая, осенью, например. Смотрели?

Видели: тучи-тучи-тучи... Вдруг – гора из них лезет. Видели?... Тихо только, я понял: видели. А иногда в тучах просвет, и тогда землю видно, нормальную землю, внизу. Но чем пасмурнее, тем меньше просветов. Вот и в прошлом... Там всегда сильно пасмурная погода для зрителей. Но бывает, и ясные дни попадают, тогда многое увидеть можно. А те дни, что нам нужны для учебного процесса – мы их расчищаем предварительно. Так что вы, 680-лимонное, не кисните заранее, а просто наведите окуляр.

– Вашблестательство, ну кого вы просите? Это же смешно, оно только ныть умеет, у него длани знаете откуда растут? Пустите меня.

– А вы у нас кто? Воспарите. Ага, 713-беж-металлик. Вы,

я так понимаю, имеете практическую сметку?

– Однажды рождалось слесарем высшего разряда, Вашб-листательство. В прошлом веке... В начале. Правда, не под этим Небесом, а в Исландии. Поэтому с русским языком не знакомо... было раньше. Но зато – в научном институте!

– А в Исландии он целый один – институт! Туда народ ходит греться, когда зимой рыбу не ловит.

– 118-ядовито-зеленое, ну что вы за язва такая?! ... Снижайтесь, снижайтесь, не надо воспарять.

– Почему это?

– Да потому что на тебя смотреть муторно, детская неожиданность!

– Браво, 32-индиго! ... Бис!

– Хамы!

– С места не выкрикивать! Ко всем относится! ... Кто это «браво» кричал? Воспарите. Так... 667-хаки? Вы там спите в углу облака, что ли? Принимайте участие в учебном процессе, пожалуйста, и не только аплодируя хулиганам. Отме-

чаю, снижайтесь.

– Извините, Вашблестательствуо, муожнуо вуопруос? Пу-оскуольку я на этом Небесе нуовуоприбывшее... Чтуо таку-ое «детская неужиданность»?

– Э-э... Цветом детской неужиданности, 515-ультрамарин, называют цвет экскрементов человеческого детеныша, извергаемых таковым внезапно при расстройстве пищеварения.

– Уо-о! ... Туо есть, к пруюессу размнуожения этуо уотнуошения не имеет?

– Ни малейшего. Теперь вы, 713-беж-металлик. Вы будете ответственной сущностью за этот духотехнологичный механизм, ну, визор я имею в виду. И пока я отмечаю вас и 680-лимонное, наводите. На два года вперед. Всем внимание.

XIII

Ритке было тринадцать лет, и она перешла в седьмой класс, когда в школьном коридоре столкнулась с высоким темноволосым восьмиклассником, которого никогда не замечала прежде.

Мальчик был – тростинка, и все же казался сильным. Черты лица у него были тонкие, но одновременно резкие. Мальчик повернулся боком к окну, за которым переливалось осеннее солнце, и солнечный луч неожиданно вплыл в его глаза, которые сверкнули на этом свете невероятно чистой, яркой, прозрачной зеленью. Позже Рита бы сказала: как изумруды. Или, стараясь избежать банальности, сказала бы: как хризопразы. Тогда же она подумала, что такой цвет бывает у осколков шампанских бутылок, если через них посмотреть на солнце.

Рита влюбилась.

Мальчика звали Костик Васильев. Она страдала по нему два года, почти ничего не предпринимая, без всякой надежды на взаимность. Рита с Костилом не были лично знакомы, так сказать, их никто друг другу не представил. Спустя год этого безмолвного обожания Рита решила пригласить его танцевать на школьном вечере, но во время танца не сказала ему ни слова. Спустя еще полгода одноклассница Костика, красавица Линка, потрясенная риткиным постоянством,

о котором ей поведали сердобольные общие знакомые, дала Костику риткин телефон, чтобы он позвонил. Ритку предупредили, и она сутки просидела в обнимку с телефоном. Спустя день оказалось, что в номер телефона вкралась ошибка. Тут начались каникулы, и момент был упущен безвозвратно.

У Ритки дома, под стеклом на ее учебном столе, жили две фотографии, неизвестно как ею добытые. С одной сердито смотрел тринадцатилетний, еще в пионерском галстуке, мальчик Костя. Другая представляла из себя обыкновенное общее фото костиного восьмого «А». Костик стоял крайним во втором ряду сверху. Ритка так часто смотрела на эту фотографию, что почти выучила ее наизусть. В самой середине, над головой классной руководительницы, вполоборота друг к другу, смеялись красавица Линка и комсорг Алеша Трошкин. Иногда Ритка делала кружок из большого и указательного пальцев и заключала этих двоих в рамочку, отрезая от соседей...

Спустя ровно год после встречи в школьном коридоре Ритка написала первое в жизни лирическое стихотворение. И долго еще все ее стихи несли это наивное посвящение: «В. К.».

Мальчик Костя, рожденный в начале июня под покровительством камня хризопраза, который и дал цвет его глазам,

ничего этого так никогда и не узнал. Он недобрал баллов в Политехнический институт, ушел в армию, а потом осел где-то в Сибири.

Позднее приезжал в город, но ни со школьным своим другом Алешей Трошкиным, ни с красавицей Линкой Костя больше никогда не встретился.

Мичман Трошкин остался в 1989 году в холодном северном море, в мертвой подводной лодке. Он вытащил из огня 8 человек и сгорел, пытаясь спасти девятого.

Что же касается костинной одноклассницы Линки, то через год после гибели Алеши она бесследно исчезла, и ее больше никто никогда не видел. И то сказать, все же мало кто забредает в далекие северные монастыри. Большинство тех, кто был знаком с веселой и шумной Линкой, было бы потрясено, узнай они о ее выборе. Но не Рита. Рита подозревала что-то такое, и даже не стала бы ее отговаривать. Тайное знание, фотография в рамочке из пальцев, может быть, уже тяготило ее. Но деваться от него было некуда.

XIV

– Вот история с очередной противофазой, но тут и еще некоторые весьма тревожные наблюдения. Воинство, я намеренно не останавливаюсь на правильно проведенных акциях, где наша подопечная играла обычную роль бессознательного посредника: на всех этих потерянных гривенниках, переданных через третьи руки учебниках, оторванных хвостах на карнавальных лисьих костюмах, на подберезовиках, найденных рядом с парковой тропинкой. Ежегодно наши махинаторы при помощи неисчерпаемого ресурса – человека – успешно устраивали до десятка таких плановых встреч, рапортовали об экономии лимитов, получали поощрения и премии. Их опыт по этой части заслуживает отдельного изучения, их комбинации со временем приобрели изысканность и остроумие, но постепенно они и сами стали замечать, что что-то происходит ... как бы это сказать... происходит параллельно. И наконец, случилось то, на что уже нельзя было закрыть глаза.

XV

В марте 1979 года Ритке было неполных – еще даже неполных, без двух месяцев – четырнадцать лет. Она заканчивала седьмой класс. Она превращалась в девушку. Она еще выигрывала физические олимпиады, но уже читала Ахматову и презирала Эдуарда Асадова. Она уже полгода, как была влюблена в своего полупридуманного Костика. Она, по маминому совету, забирала отросшие волосы в «кичку» на макушке – Елена Семеновна утверждала, что так, якобы, «виднее красивая форма риткиной головы». Ритке разрешили не носить очки постоянно. Мама отдала ей бежевый взрослый костюм в стиле «кантри», с вышивкой на груди и с рукавами на тугих высоких манжетах. В этом неуклюжем глазастром существе можно было уже, если постараться, разглядеть подрастающую невесту. Но существо имело отвратительную привычку дерзить, презрительно морщиться и разговаривать со всеми свысока.

Тем не менее, родители решились вывезти Ритку «в свет», и взяли с собой в Прибалтику, где жил с семейством риткин двоюродный дядя Герка. Четырнадцатилетняя Ритка с родителями отправилась в Ригу, на большой родственный сбор в честь геркиной серебряной свадьбы. Семейство рассредоточилось по полутемному пиршественному залу: папа в качестве тамады восседал возле юбиляров, мама в середине

стола трепалась с геркиным сыном Юркой, а Ритка, потерянная на этой взрослой пьянке, лупила глаза в танцующую ресторанныю темноту, притулившись в самом конце стола.

Неожиданно к ней подошел молодой человек среднего роста.

Он был, на риткин тогдашний взгляд, «никакой» – в светло-коричневом костюме, на носу очки в тонкой золотой оправе, чаплиновские усики. Молодой человек был галантен, ровен и совершенно трезв. Он пригласил Ритку на танец, и танцевал, как и подобает танцевать медленный фокстрот: без увлечения, но усердно, старомодно, и бережно по отношению к партнерше. Он представился – назвал себя Геной, – сказал, что он тут с мамой, спросил, как зовут Риту, и кем она приходится тете Белле. Краем глаза Ритка успела ухватить изумленное лицо Елены Семеновны, обращенное в их сторону. Потом Гена присел около Ритки, и они еще, несколько скованно, поговорили «за жизнь» минут сорок, чем он очень девочку поддержал и воодушевил.

Собственно, на этом эпизод закончился, и Ритке не пришлось о нем вспоминать несколько месяцев.

А в начале осени ритиным родителям пришло письмо. Писали Гена и его мама. Эти люди восторженно вспоминали о единственной встрече в Риге, и совершенно серьезно просили у ритиных родителей ритиной руки. Да, писали Гена и его мама, мы знаем, вашей девочке всего шестнадцать (!), но и Гене всего двадцать три, и он готов ждать до девочки-

ного совершеннолетия.

Потрясенные родители ворвались к Ритке в комнату и отвлекли восьмиклассницу от уроков.

– Рита! – сказала Елена Семеновна, еле сдерживая фырканье. – Ты помнишь Гену Бергера?

– Кааааа-вооооо??? – изумилась Ритка.

– Ну, этого парня в очках из Риги, который пригласил тебя танцевать? Он спрашивает, хочешь ли ты выйти за него замуж.

Этот поразительный текст лишил Ритку дара речи. Она вытаращила глаза и выразительно повертела пальцем у виска.

– Ясно! – торжествующе сказал Лев Петрович, – Я же тебе говорил! А ты все: давай спросим, спросим... Чего тут спрашивать-то???

Елена Семеновна махнула рукой:

– Пошли. А ты, – обернулась она ко дочери, – забудь. Я напишу им, что тебе всего четырнадцать.

Ритка ничего не знала про Гену Бергера лет, приблизительно, пятнадцать. Пока однажды к ней на прием не привели очаровательную шестилетнюю девицу, которая категорически отказывалась выговаривать «Ш» по-русски (по-английски она делала это без проблем). Прочтя фамилию девицы, Рита с некоторым трудом опознала и ее папу, но о себе решила не напоминать.

XVI

– И хорошо, а то могла бы выяснить, что пятнадцать лет назад письмо ее родителей по ошибке попало в другой почтовый ящик, в другом корпусе с тем же номером дома. Что женщина средних лет, извлекая его из ящика, не поленилась пройти сто метров и зачем-то лично занести письмо мадам Бергер. Что две женщины познакомились и подружились. И что старшая, тогда двадцатилетняя, дочь этой нелепой соседки, в то время уже московская студентка, стала впоследствии матерью двух девиц, младшая из которых решительно отказалась выговаривать по-русски звук «Ш».

Но вернемся к той свадьбе, воинство. Ключевой эпизод мы уже отметили...

XVII

...О чем трепалась риткина мама с двадцатипятилетним двоюродным племянником?

Юбиляр Герка был – даже по современным меркам – высокий мужик. А вот с сыном его Юркой случилось что-то странное. Говорили, что у него «не сработал гормон роста» – грешили на чрезмерные спортивные нагрузки в детстве. Абсолютно все остальное в юркином организме функционировало нормально. И только росточка он остался крохотного, детского почти.

Юрка всегда был симпатичный на морду, остроумный, характерологически легкий и дружелюбный мужик, душа компании, весельчак, родственный и теплый. Он неплохо соображал, имел образование, руки у него были приставлены как нужно. Девушки у него были, но... Тогда, весной семьдесят девятого, выпив на торжестве, он жаловался риткиной маме на это самое «но» – на неудачи в личной жизни. Очередная девица не захотела связать с Юркой свою судьбу. Его как раз призывали на офицерскую службу на полтора года. Как же ему не хотелось ехать одному к черту на рога!

Обо всем этом Ритка и Лев Петрович узнали по дороге назад, в Питер. Ритка отсыпалась на заднем сиденье, слушая вполуха разговор родителей. Мама качала головой, папа цокал языком. Лохматая Ритка внезапно села на сиденье

и влезла в разговор.

– Мама, – сказала девочка, – Да ведь у нас же есть невеста!

Родители неохотно прервались.

– Это кто же это? – снисходительно спросила мама.

– Так Зойка же!

– Здравс-с-те, – фыркнула Елена Семеновна, – нашла невесту. Она же старая!

– Старая? – удивилась Ритка. – Юрке сколько? скоро двадцать шесть? А ей сколько?

– Тридцать два, – неожиданно с сомнением в голосе сказала мама. – Лева? Ведь тридцать два? Старая же?

– Хм, – вдруг сказал Лев Петрович. – А маленькая собачка-то... всегда щенок? – и он засмеялся.

Зойкой звали дочку двоюродной сестры Льва Петровича – такую же риткину родственницу с папиной стороны, каким малорослый Юрка являлся со стороны маминой. Зойка была миниатюрная спокойная женщина, уж Ритка не знала, насколько милостивая с мужской точки зрения, но, безусловно, милая: тихая, доброжелательная, изящная, с большими печальными карими глазами. Несколько лет назад она потерпела катастрофу в личном плане, – впрочем, катастрофу предсказуемую, ибо герой ее романа был женат, – и с тех пор вела унылую, ничем не украшенную бухгалтерскую жизнь. Она не жаловалась, всегда была в неизменно ровном приветливом настроении, но ясно было, что часы часикают, а тридцать два года – там и тогда это был солидный для невесты

возраст, уверенная заявка на звание старой девы.

Риткины родители, хоть и скептически настроенные, запомнили разговор в машине. И когда в мае Юрка – уже в офицерской форме, – проездом в гарнизон, заскочил в Питер, Елена Семеновна настойчиво пригласила Зойку к чаю. Прообщавшись вечер, Юрка полетел провожать новую знакомую – и исчез, хотя ночевать обещался у Летичевских. Утром удивленная Елена Семеновна по телефону выяснила, что Юрка уже ушел на вокзал. А в июне Зойка вдруг подхватила и поехала к Юрке, к месту его службы.

В марте месяце следующего – восьмидесятого – года у молодоженов родился сынишка, старший геркин внук. Зойка, благодарная Елене Семеновне, назвала его Леней – от «Елены». В восемьдесят пятом, и тоже в декабре, уже в городе Рига, они произвели на свет еще одного молодого человека – Влада, геркиного младшего внука. Эти два юноши непонятно кем Ритке приходится, так как формально они ей троюродные племянники, но дважды – одновременно с двух сторон. Некоторые утверждают, что такое родство уже не может считаться дальним.

XVIII

– Вот, воинство. Этот случай не заметить было уже невозможно. Наша подопечная запомнила странное ощущение, которое предшествовало появлению в мозгу картинки: Он и Она. Чувство было похоже на вдохновение драматурга, словно становится понятно, как будут разговаривать друг с другом эти два пока не знакомых человека.

Получилась прекрасная, дружная, очень жизнерадостная семья. Пара оказалась настолько родная и гармоничная, что родственникам только оставалось удивляться, почему идею этого брака высшие силы... то есть мы с вами... рискнули вложить в такое ненадежное хранилище, как воображение четырнадцатилетней девчонки.

– А мы ее вложили?

– Воспарите, 609-фиолетовое. Вас что-то совершенно не слышно было с самого начала семинара.

– Да меня и сейчас не слышно. Это не я спросило.

– А кто?

– Да это вот... которое у меня за крыльями скукожилось.

Как бишь его? Охра что-то там. Оно все дословно записывает.

– Где? ... Ну вы опустите левое крыло немножко, 609-фиолетовое. Ага, 763-охра, вижу теперь. Старательное. Отмечу сейчас. А вы, 609-фиолетовое... Тоже отмечу. Молчаливое. Дерзкое. И, судя по всему, нелюбознательное. Вы нелюбознательное, а, 609-фиолетовое?

– Видимо, да.

– Ну, это нехорошо. Вам надо работать над собой... Чтобы закончить курс успешно, а?

– Да мне без разницы.

– Ему все фиолетово!

– 32-индиго, вы опять за свое? Гм. Гм. Трудный случай. Снижайтесь, 609-фиолетовое. Так вот, 763-охра, отвечаю на вопрос. Мы не вкладывали... Прекратите шум на облаке!!! Немедленно!... Повторяю: мы не вкладывали.

Наоборот: этот брак не должен был случиться. Он был первоначально сужден, а позже отменен. Эти дети не должны были родиться. Слушаю вас, 147-небесно-голубое, и отмечаю заодно.

– Вашблнстательство, а разве так бывает?...

– Если б не бывало, мы бы тут с вами не парили, и спецкурс был бы не нужен, мое дорогое 147-небесно-голубое... Получилось вот что: исходно таков был страховочный вариант. Нужно было соединить две семьи: семью отца и семью матери нашей подопечной. Не так, так эдак, но однократно. Когда поженились ее родители, второй исходно сужденный брак стал не нужен, возможно, вреден. Пару «развели» по разным каррассам³ – Рига не под нашими Небесами.

Но даже этого показалось мало, все-таки одна семья, и именно поэтому мужчина был отправлен служить на север: предполагалось, что он женится там и осядет, и никогда не встретит свою питерскую «половину». А наша подопечная взяла и соединила их... в голове. Мало того! Она сделала это осознанно, и прекрасно поняла, что именно сделала!

– Здорово! Это же какую ментальную мощность надо иметь!

– Восторги тут несколько неуместны, 531-бордо, снижайтесь, отмечаю вас. Слава Шаровому Скоплению, весь спи-

³ Термин Боконизма – религии, придуманной Куртом Воннегутом в книге «Колыбель для кошки». Означает группу людей, собранную вместе для выполнения божьей воли, без своей на то воли и ведома.

сок я прошло, как он мне надоел... Так вот, восторгаться тут нечем. Человеческое существо не должно обладать подобными ресурсами, это азы нашей работы, надеюсь, это все помнят.

– А сама девучка, уона чтоу, суовсем не удивилась?

– Представьте себе, 515-ультрамарин, не удивилась, и впоследствии не удивлялась довольно долго. Хотя странную силу эту за собой ощутила именно тогда, и природы ее не понимала.

– Позвольте, Вашблнстательство. Я тоже чего-то не понимаю...

– Воспарите, 228-фуксия. Слушаю.

– Ведь происшедшее разрушает основы... Самые принципы... Это такое вопиющее пренебрежение инструкциями, и настолько ужасные последствия... Неужели и об этом не было доложено наверх?

– Представьте себе. Тема «заблудилась» при передаче жениха из карраса в каррас, и никто ничего не заметил. Наши махинаторы посоветовались и решили, что, поскольку Подопечная не будет иметь детей, то альтернативное продолже-

ние линии только к лучшему, и оставили все как есть. Но вы, уважаемое 228-фуксия, как-то все-таки соберите в кулак свои нервы... или что у Н. А. С. там... Если на таком раннем этапе вам кажется происходящее столь ужасным и вопиющим, то боюсь даже представить, как вы отреагируете на дальнейшие события.

– А что, это только начало истории?

– Это, мое дорогое 531-бордо, даже не начало, а самое предисловие...

XIX

В том же семьдесят девятом году, той же весной, в том же самом месяце марте, началась другая немислимая история. Началась она странно.

Ритка, как и было сказано, училась тогда в седьмом классе, и они с подружкой из восьмого класса решили попереписываться с каким-нибудь мальчиком из Москвы. Только где его взять, этого мальчика? Ритка с подружкой подумали, что мальчики, наверное, хотят переписываться исключительно с мальчиками. И Ритка, повинуясь голосу раннего авантюризма в крови, сказала, что напишет письмо от имени мальчика.

Подружка скептически пожала плечами и сказала, что Ритку сразу разоблачат. Девицы поспорили. Ритка написала письмо от имени восьмиклассника с предложением переписываться. Спросила маму, знает ли она в Москве какую-нибудь школу, которая точно существует. Елена Семеновна знала – слышала репортаж с ноябрьской демонстрации, назвала номер. Ритка надписала адрес: такая-то школа, комсоргу 8-го «Б» класса (мальчика хотелось постарше, и была Ритка убежденная «бэшница»).

Судьба этого письма, еще одного из длинного ряда почему-то не дошедших точно по адресу писем, имеющих отношение к Ритке, оказалась такова. Когда секретарша несла его

в кабинет директора, его увидела девочка Катя – комсорг 8-го «А» класса. И присвоила. Решила, что нефиг баловать «бэшников». Прочла, предложила мальчикам. Но все мальчики, как ни странно, хотели переписываться с девочками. И тогда Катя ответила Рите сама.

Завязалась оживленная переписка между девочкой Катей и мальчиком по имени Дима Белов. Впоследствии к нему присоединилась его младшая сестра Рита. Проблема писания двумя разными почерками Ритку совершенно не угнетала. Более того, в ход пошли фотографии: риткины собственные и Льва Петровича в молодости (очень симпатичный был мальчик). Сходство, опять же, было налицо.

Таким образом, задолго до появления интернета, четырнадцатилетняя Ритка ухитрилась создать двух полноценных виртуалов.

Девочка Катя из Москвы оказалась исключительно интеллигентной и приятной во всех отношениях. И Елена Семеновна, которой Ритка периодически показывала результаты своей бурной деятельности, забеспокоилась. Ей показалось (впоследствии оказалось, что она была совершенно права), что Катя влюбилась в виртуального мальчика Димочку. То есть, в Ритку.

Переписка началась в марте. К августу (!) мать уговорила Ритку сознаться. Ритка зажала волю в кулак и написала правду.

Ответ пришел через месяц. Катя честно сознавалась, что,

во-первых, ей очень хочется дать Ритке в рожу. Во-вторых, она проревела неделю, не просыхая. И в-третьих, хрен с ней. Пусть будет девочка.

Потом Елена Семеновна поговорила по телефону с катиной мамой. На осенние каникулы Катерина приехала к Летищевским в гости. На зимние – Ритка поехала в Москву. Через год в той же последовательности классы Кати и Ритки съездили друг к другу в гости в порядке обмена.

В последующие годы дружба продолжалась. Родители девочек страшно подружились. Спустя примерно лет шесть после начала этой истории, когда Ритка собралась замуж за Даню, Катя приехала к ней на свадьбу, и даже поймала невестин веночек при пробросе в зону.

Может быть, это тоже сыграло свою роль в последующем. А случилось так, что за три часа до катиного отъезда Рита вдруг ощутила странное, знакомое беспокойство. Она села на диван и сосредоточилась. И... поняла.

– Данька, – сказала Рита мужу, – а где Быр? Ты его на свадьбу-то не позвал чего-то...

– Быр? – поразился Данька. Меньше всего он предполагал, что Ритка вообще заметит отсутствие одного из его весьма неблизких приятелей.

– Дань, – сказала Рита умоляюще, – понимаешь... Я дура, что раньше об этом не подумала. Мне Быр твой даром не нужен. Но... В общем... Его стоило бы познакомить с Катериной. Ты можешь сделать что-нибудь?

Данька воспринял это пожелание новобрачной, как знаменитый персик-апельсин⁴, и развил кипучую деятельность.

Он вызвал Быра и, неожиданно для самой Катерины, сдал каткин билет в кассу.

Дальше произошло что-то, совершенно несусветное и необъяснимое. Для всех, кроме Ритки, разумеется. Быр и Катерина, почти не общаясь от стеснения, просидели у Лещевских на кухне не более двух часов. Потом Данька, пьяно повинувшись движению ритиной брови, вызвал им такси и снабдил имеющимися в наличии ключами от пустой квартиры. Там новоиспеченная парочка и провела лишние сутки до катиного нового поезда. Этих суток им хватило: свадьба риткина была в декабре, а катеринина состоялась в июле следующего года.

⁴ Аллюзия на рассказ О'Генри «Персики».

XX

– Ну все, кончаем шуметь, воинство. Неправильно угадали. Это не была сужденная пара. Не была. Но она стала таковой. ... Тише. Тише. Сложите длани. 515-ультрамарин, успокойтесь, не надо парить так высоко, меня нервирует. Я не ошиблось, и могу повторить: пара стала сужденной, то есть, приобрела все ее признаки: мгновенное чувство и практическая нерасторжимость. ... Да, это немыслимо. Да, это катастрофа. Да, этого никто не ожидал. Так затем я и веду этот семинар, воинство! Затем вам все это и показываю...

XXI

В риткином восьмом «Б» классе появился юноша, с которым Ритка близко подружилась. Звали его Вовочка. Было достаточно забавно, когда в ответ на вопрос: «Как тебя зовут?» – этот новенький ухмыльнулся и представился недвусмысленным басом: «Вовочка». Класс захихикал уважительно и опасливо, что как раз зря: Вовочка был парень интеллигентный, и очень неглупый, кстати. Но вид! В 15 лет это был уже взрослый огромный мужик, не мальчик-акселерат, а именно мужик, – мускулатура там, повышенная лохматость, повадка хулигана, сила страшная, и невыносимо – для ровесниц – обаятельный ироничный цинизм...

Впоследствии он еще периодически брил себе череп наголо, и Ритка, прогуливая с ним уроки, всегда отпихивала его подальше в подворотню, чтобы спокойно узнать у прохожих, который час: при одном появлении бритого Вовочки – метр восемьдесят восемь, горилла с переразвитым плечевым поясом, – они теряли дар речи и начинали искать глазами милиционера.

Ритка испытала настоящее потрясение на кавголовском пляже, после экзамена по алгебре за восьмой класс, когда Вовочка впервые при ней разделся. Это были какие-то совершенно новые ощущения. Они висели вчетвером на буйке: Танька, неразлучный тогда с ней Цукер, Ритка и Вовочка.

И как трудно было поверить, что этот взрослый, терпко и опасно пахнувший мужик – просто сосед по парте... Вовочка вызывал у Ритки странное чувство, которому она не могла найти определения. Никакой романтикой тут и не пахло, обычных грез о белых лошадях и хрустальной обуви не возникало даже близко. И в то же время... Ритке нравилось просто сидеть с ним рядом за партой. Близость его нравилась. Она еще не знала тогда слова «волновал». И к голосу подсознания вовсе не умела прислушиваться.

Были у Ритки такие полгода, в девятом, когда она зачем-то перешла от своих в другую школу, в английскую. Очень несладко ей там пришлось. Но пришлось бы куда хуже, когда бы не Вовочка. Он встречал Ритку после уроков, огромный и загадочный, стоял с риткиным пальто в вестибюле, потрясая общественность до глубины души (в школе учились почти одни девицы, причем одна гнуснее другой). Подавал Ритке перчатки и уводил, скользя презрительно взглядом по зрителям, картинно подхватив под руку, – наш человек!

А как танцевали они!... Это были уже не детские разборки на тему «кто кого пригласит». Ритку как-то пригласил танцевать признанный красавец Лагутин, все девицы заахали, а Ритка ничего не поняла. Паттерн не тот был! Взглядом убравший Лагутина с дороги опоздавший Вовочка дышал, двигался, прикасался, – все иначе, от его запаха кружилась голова, Ритка начинала сама себя бояться, когда он неумело

прижимал ее к себе...

Неясно, как это все совмещается в мозгах пятнадцатилетних дурочек, но, как достоверно известно, Ритка была тогда безнадежно романтически влюблена в Костика Васильева. Поэтому то, что получалось у нее с Вовочкой, считала дружбой. Вовочка молчал, но не очень-то был с ней согласен. Как-то раз с пивом прогуливали уроки в девятом: Ритка, Вовочка, и близнецы Меерсоны. Контраст был огромный, конечно. Близнецы хоть и вымахали уже метр девяносто с хвостиком, но зато в Вовочке не было ни тени меерсоновской неуклюжести, этих ножек, знаете, «буквой ксю»... Ах, как он шел, поддерживая Ритку под локоток: узкобедный, мощный в плечах, с ленивой грацией и опасной оттяжкой в движениях, ах, подумала Ритка, кося глазом вверх и влево, ах, ах!

И вот топали они вчетвером, с пивом и мороженым, по проспекту Науки, мимо «Детского мира», и молодые люди взялись Ритку допрашивать, за кого она вышла бы замуж.

А Ритка им с изумительным апломбом и говорит: мой муж будет блондин, дворянин и спортсмен, с синими глазами и на 15 сантиметров выше меня. Меерсоны говорят: что за фигня? Дворян вообще нету уже давно, а среди спортсменов и подавно не найдешь. А Ритка им, заводясь: для меня найдется какое-нибудь исключение. А Меерсоны: а почему на 15 сантиметров? А Ритка им: десять сантиметров каблук-

ки, и пять – прическа. И тут молчавший до сих пор Вовочка, шатен и мастер спорта по волейболу, потомок петровских немецких гренадеров, спрашивает: а какой у тебя рост? Ритка: метр шестьдесят пять. Вовочка: ладно, подрастай сантиметров на восемь, и я тебя беру... Близнецы захихикали было, но он только глянул на них коротко один раз – тут же заткнулись.

Хотите верьте, хотите нет: глупая Ритка опять ничего не поняла.

XXII

В те же исторические 16 лет, зимой, Ритка отличилась снова. Вовочка рассказал, что его друг и сосед Антон поссорился со своей девушкой. Окончательно. И очень переживает в одиночестве.

Антошкину девушку Ритка как-то видела. Имела представление о вкусах и пристрастиях, так сказать. Поэтому Ритке сразу, уже совершенно сознательно, пришла в голову ее подруга из английской школы, Юлька, как раз, с риткиной точки зрения, тратящая время на романы явно того не стоящие. Вовка с Антоном заехали к Летичевским домой, и Ритка показала Антону маленькую Юлькину фотку. Он сразу сказал «Да». Почему-то Ритку это тогда ну просто совершенно не удивило.

Ритка не могла сама познакомить ее с Антоном, так как была поверенной ее очередной «большой любви» с неимоверной жлобоватости двадцатисемилетним слесарем Серым с Металлического Завода. Поэтому Ритка и мальчишки стали действовать конспиративно с двух сторон.

Ритке нужно было как-то отвлечь Юльку от ее слесаря, точнее, от высоких переживаний на тему их полусексуальных досугов. И она придумала вполне гениальную штуку. Как раз юлькина мама жаловалась Ритке, что Юлька сильно запустила учебу (10 – выпускной – класс английской школы).

Сама Юлька объясняла, что ее Серый – «настоящий мужчина», считает, что женщина должна сидеть дома на кухне, а не высшее образование получать... короче, «три Ка»⁵. Тогда Ритка предложила Юльке поспорить на мороженое, что элементарно сделает из ее Серого главного надзирателя по части юлькиной учебы, и он быстро забудет все свои принципы, потому как дурак (Ритка выражалась нежнее, щадя юлькины чувства).

Девицы побились об заклад, Ритка взяла у Юльки телефон товарища серо-буро-малинового.

На следующий день – было солнце в январе, слесарь Серый работал во вторую смену, – Ритка прогуляла школу и назначила ему свидание у местного пивного ларька. По телефону она разговаривала с ним с такой изысканной вежливостью, какую только в кино видала. Попросила уделить ей время, так как нужно поговорить с ним о важном. Ничего больше не объясняла, но подпустила такую нотку... как бы это выразить... комитетскую, что ли... В общем, Ритка разговаривала с ним так, что дала понять: отказ на предполагается. Шуточки, конечно, те еще: на дворе-то восемьдесят первый год. Короче, он прискакал. Был он молодой, еще не спившийся, с успешно оконченным ПТУ, после армии, и без ограниченных интеллектуальных дефектов, просто «конституцио-

⁵ Или «Kinder, Küche, Kirche» – немецкое устойчивое выражение, описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей.

нально тупой». Это предполагалось, и это Ритку устраивало.

Ритка представилась Машей, девятнадцати лет, студенткой МГИМО, в Питере на каникулах (под шубой имея школьную форму, на этой нахалке даже косметики не было!). Намекнула на высокую должность папы и на неофициальное поручение поговорить с ним, с Серым. И это еще что – дальше она понесла такое!

Сказала, что заинтересованные органы внимательно наблюдают за выпускниками хороших английских школ, с тем, чтобы выявить заранее тех, кто впоследствии может быть полезен в работе Министерству иностранных дел. Что его подруга Юля – ни в коем случае, никто не может вмешаться в ваше светлое чувство, но ведь именно вы старше, мудрее, и имеете влияние на девочку, – давно рассматривается, как один из лучших кандидатов на дальнейшую карьеру в этой области. Что в последнее время она, видимо, от переживаний, сильно запустила учебу, и даже собственно английский язык. И что Серого очень просят отнестись ответственно к их с Юлей, возможно, общему будущему, и проследить, чтобы Юля успешно закончила школу, – это в его силах, и более ни в чьих. И, естественно, хранить этот разговор в строгой тайне, особенно от самой Юли.

Ритка говорила четко, резко, внятно, безупречно серьезно, улыбалась, как посол на приеме, упрощала формулировки, если ей казалось, что юноша не врубается. Не давала ему вставить слово. Никаких вопросов не задавала. Употребляла

конструкцию «нам известно». Смотрела на него сверху вниз, при том что он был выше головы на две. Прощаясь, спросила:

– Вам понятно? – и добавила: – Мы надеемся на ваше благоразумие.

Сняла связанную бабушкой варежку и протянула ему руку в чернилах, с обкусанными ногтями.

Он ничего не заметил. Руку сделал попытку поцеловать. Отнимая руку, Ритка просто окончательно отвязалась, и брякнула что-то типа: «Что вы, что вы, соблюдайте конспирацию». Уверена была, что он долго смотрел ей вслед, и даже пожалела, что не на что поймать такси – в кармане у Ритки лежало шестнадцать копеек.

Он поверил всему. Каждому слову.

Вечером, при встрече, он первым делом спросил Юльку про уроки. Она – по риткиному наущению – ответила крайне небрежно, в стиле «да и хрен с ним, с английским». То, что произошло дальше, обескураженная Юлька в разговоре с Риткой назвала милым словом «раскудахтался». Неизвестно, как в точности развивались события, но Серый в тот вечер от Юльки быстренько отвалил, и назавтра тоже только звонил с категорическим требованием: исправить сначала не только все тройки, но и все четверки по английскому.

Неделю или две раздосадованная Юлька приставала к Ритке с вопросом, какая муха укусила ее возлюбленного. Ритка отмалчивалась, однообразно реагируя неполиткор-

ректной фразой: «Я ж тебе говорила, что он круглый дурак». Когда Ритка, наконец, раскололась (ужасно жалея, что теперь зря пропадет такой спектакль), то неожиданно еще улучшила уже достигнутый результат. Юлька, услышав подробности, несколько раз обошла вокруг подруги, недоверчиво изучая со всех сторон (Ритка была в той самой шубе и в тех самых варежках), и, наконец, изрекла:

– ...Я не понимаю, как он мог?! Как он мог в такое поверить?! Нельзя же, в самом деле, быть таким идиотом?!...

Начало было положено.

«В общем, сволочь я, конечно,» – порефлексировала Ритка слегка. – «Но с другой стороны: разве я кого-то разлучала насильно?? Разве настоящее чувство могло бы рухнуть от такой ерунды??»

Эта мысль как-то утешала.

«Да нет, ничего страшного я не сделала,» – решила Ритка. – «Ну, подключила ей слегка объемное зрение. А то ошалела там известно от чего...»

Мальчишки действовали паралельно. Антошка уже был первокурсником военного училища. Увольнительные у него были нечасты, и их старались использовать на всю катушку. Ритка снабжала Вовку точными сведениями о юлькиных перемещениях, а уже вовкина задача была – сначала подстроить случайное знакомство, потом организовать супер-романтическое и загадочное «преследование». Кстати, интересно, что Ритка все время требовала, чтобы сам Вовочка как мож-

но меньше попадался Юльке на глаза. Ритке казалось, что он куда привлекательнее Антона: высоченный, светловолосый, мощный в плечах. Антошка рядом с ним, хоть и был на год старше, выглядел как-то по-детски: черноглазый, круглощекий и румяный, Ритке он лицом напоминал спелый арбуз. Значительно позже Ритка узнала от Юльки, что волновалась совершенно напрасно: Юлька сразу из этих двоих обратила внимание именно на Антона.

Эта фаза операции для Ритки осталась на уровне чистых отчетов. Все получилось, все состыковалось, слесарь Серый получил отлуп, а Антошка получил девушку. Кстати, на прощанье злобная Юлька не преминула передать Серому привет от московской девушки Маши. Потом Юлька сильно удивилась, встретившись с Риткой у Вовки на дне рождения. На том же дне рождения эта парочка со всеми разругалась, поэтому о дальнейшей их судьбе Ритка знала мало. Только то, что они поженились через месяц после юлькиного восемнадцатилетия, и позже уехали в гарнизон, где Юлька работала учительницей английского.

XXIII

– Вопиющий случай, Воинство! Юля должна была выйти именно за слесаря. Ну, жизнь ей, конечно, не показалась бы сахарной, но что делать, существовали... эээ ... высшие соображения...

– Ох уж эти высшие соображения!... Садисты!...

– Вот-вот, сердобольное наше 312-пурпур, подопечная тоже Юлю пожалела, и идея ей откровенно понравилась. И как же легко она совершила то, что до сих пор считалось невозможным! Неразрушимый сужденный брак разлетелся в секунду, и она тут же прицепила освободившуюся валентность туда, куда считала нужным! Пересудила!

– Вашблестательствуо, нуо все же...

– Воспарите. Слушаю вас, 515-ультрамарин.

– Ведь дуолжны же были ангелы пуонимать, чтуо пруюисходящее выхуодит из-пуод куонтруоля! Пуочему уони пруюоудолжали упуорствуовать в свуюем... в свуюих... ну, пруюоудолжали эксперимент? На чтуо уони рассчитывали?

– А вы знаете, это правильный и точный вопрос. Ангелы-растратчики именно рассчитывали. Они прикидывали пропорцию. Им казалось, что случаев вопиюще неправильного поведения их подопечной несопоставимо мало, если иметь в виду приносимую ею пользу. Кроме того, махинаторы вели учет случаев, когда подопечная демонстрировала явное непонимание своих особых способностей. Этих случаев было сравнительно много, и ангелам хотелось верить, что обратное – скорее, исключение.

XXIV

Риткину учительницу биологии Анну Петровну все называли Сурепкой. Это была простая и незлобная женщина, но невероятно тупая. Предмет свой знала по учебнику от сих до сих, шпарила наизусть, вопросов по содержанию просто не понимала. На оргвопросы ответы давала четко и ясно, как армейский старшина. Когда изучали половое размножение, кто-то из свежеподросших наглецов спросил с подкруткой:

– Анна Петровна! А по этой теме практическая работа будет?

– Нет, Иванов-Петров-Сидоров, – ласково отвечала Сурепка. – Только самостоятельная.

Многие пытались детишкам потом разъяснить, что это она так тонко пошутила и отбрила мальчика. Глупости все это. Ученики-то знали Анну Петровну. Те, кто ее лично знал, ничего такого даже не предполагали.

Риткин десятый класс «Б», апрель, биология. Солнышко выглянуло. Внизу, на школьном огороде, трудится шестой «В» – у них Сурепка классная. В окно их видно, и видно, что безобразничают. В середине урока Сурепка не выдерживает, срывается и бежит вниз. Выходя из класса, поворачивается, и выпаливает по десятиклассникам из главного калибра:

– Если кто встанет в мое отсутствие с места, два в журнал

сразу!

Апрель, между прочим, месяц. Впереди аттестат. Угроза нехилая, а Сурепка, как человек простой и простодушный, что говорит, то и делает, обыкновенно.

Тем не менее, трое мальчишек, немедленно после отбытия Сурепки, вскакивают и начинают играть чьим-то мешком в футбол. Они носятся по классу совершенно произвольно. В момент появления на горизонте Сурепки наступает крайне интенсивная паника. Двое успевают достичь мест своей постоянной дислокации. Но вот Цукер...

Цукер – это прозвище «от фамилии» в ежедневном общении. Мальчик он веселый и нетрусливый, в классе его любят, что важно.

Место Цукера на уроках биологии – на первой парте колонки у окна, со стороны прохода. Вплотную к этой парте стоит учительский стол, стул повернут лицом к классу. Со стороны окна за партой сидит соседка Цукера, Валька Мащенко.

Внезапное появление Сурепки застигает Цукера в самом дальнем от двери углу класса, между последней партой и окном. А за партой этой сидят Ритка с Вовочкой, Ритка ближе к проходу, поэтому тоже не сразу заметила, что произошло. В момент появления Сурепки Цукер лег. Наверное, он сделал это рефлекторно. Но когда лег, уже было поздно.

Исчезновения какого-то там Цукера с первой парты Сурепка не заметила. Обвела глазами класс, убедилась, что на-

рушителей не видно, и продолжала урок. Урок идет, Цукер лежит и смотрит на Вовку снизу вверх вопросительным взглядом. Вовка, зажимая рот рукой, пихает Ритку в бок. Ритка поворачивается, видит Цукера и ложится на парту в пароксизме довольства⁶. Больше пока Цукера никто не видит.

Между тем, ситуация серьезная. Цукер и Вовочка шепотом совещаются. Вовочка пользуется в классе большим авторитетом у парней. «Чего делать?» – шепчет Цукер. – «Ну, ползи, ...» – невозмутимо отвечает Вовочка. – «Куда?» – Вовочка делает длинный жест вдоль окна.

Впереди узкий проход, заваленный портфелями. В двух местах, там, где выступают межоконные балки, парты прижимают к стене почти вплотную. Но у Цукера нет выбора. И, не пытаясь разобраться, шутит сволочь Вовка, или говорит серьезно, Цукер делает первое движение вперед. Ритка видит, как Вовка в ужасе закрывает себе рот руками. Поздно.

Цукер достигает парты впереди и дергает за штаны левого из сидящих за ней близнецов Меерсонов. Близнецы обнаруживают Цукера. Длинная пауза с подергиваниями. Близнецы сопят так громко, что Ритка перегибается через столешницу и бьет их сзади под лопатки. Хрип, синхронный стук лбов об дерево. Левый близнец поднимает и переставляет из про-

⁶ Тут и ниже неоднократно, скрыто и явно, цитируется повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Далее в примечаниях: «Стругацкие, ПНвС».

хода портфель. На легкий шум поворачиваются головы сидящих сзади на других колонках. Тишайший стон, и две задние парты в каждой колонке, в полном составе, ложатся лицами на столы. Тем не менее, в классе тихо. В классе так тихо, что Сурепка довольна. Она в этот момент стоит в проходе с риткиной стороны, совсем недалеко от места боев.

Между тем, Цукер достигает третьей парты от конца. Она стоит вплотную к простенку, а перед ней с другой стороны стоит Сурепка. Короткое беззвучное совещание с Дутовым и Лагутиным: оба люди большого личного мужества, один стал впоследствии офицером, а другой – крупным российским книгоиздателем. Лагутина (он сидит справа), очень красивого парня, – обожают все стареющие учительницы. Глядя прямо в глаза Сурепке масляным взором, он внезапно резко сдвигает парту на полметра вправо, буквально ей под ноги.

Сурепка прерывается в речениях. Большая часть класса недоуменно оборачивается, но им пока не видно. Остальные замирают в тревоге.

– Лагутин, – произносит Сурепка.

Лагутин встает, гипнотизирует взором, улыбается подобострастно.

– Да, Анна Петровна.

– Что?

– Ничего, Анна Петровна.

– Садись.

Лагутин садится. Цукер ползет дальше, раздраженно отпихивая под парты портфели и мешки. По мере его продвижения вперед, соответствующий порядковый номер парт на всех колонках укладывается в тихую истерику на столы. Второй простенок минуетея куда как легче, так как Сурепка у доски.

И вот Цукер под ногами у своей соседки Валентины. Но и Сурепка переместилась, она уселась за свой стол, глаза в глаза с Валькой, в полутора метрах по косой от Цукера, скрытого от нее столом, партой и Валентиной. У доски корчится вынужденный что-то отвечать Лешка Баринов. Класс в прострации, все ждут, когда бабахнет.

Беззвучно посоветовавшись с Цукером, Валька, прямо перед глазами Сурепки, перемещается на соседнее, пустое цукерово, место. Сурепка задумчиво следит за ней взглядом. Теперь стул над головой Цукера свободен. В следующую секунду Сурепка задает Баринovu вопрос, всем корпусом повернувшись в сторону доски. Цукер, не будь дурак, четко вписывается в этот промежуток времени: в два идеально лаконичных движения он встает и садится на опустевший валькин стул.

Сурепка поворачивается и видит Цукера перед собой. Господи, в каком он виде! С него ключьями свисает мусор, физиономия в серо-буро-малиновых разводах...

Тишина мертвая.

Очень долгая.

Очень мертвая и очень длинная.

– Цукерман, – произносит Сурепка.

Цукерман встает, и два передних ряда чихают от взметнувшейся пыли.

– Почему ты улыбаешься?

...Звонок прозвенел через две минуты. Все это время Сурепка испуганно пыталась выяснить причину странной эпидемии мозгового паралича и колик, охватившей класс. Никто не пострадал. Если, конечно, не считать того, что, во время напряженного всматривания в лица участников, Ритке вдруг понравилось, как совмещаются на одной зрительной оси Валька Машенко на первой парте и Баринов у доски. Правда, увлеченная событиями, она быстро забыла об этом. Машенко в тот момент была смертельно влюблена в Лагутина. Баринов вообще интересовался не девушками, а авиа-моделями. Так что до этой свадьбы оставалось еще добрых шесть лет.

XXV

– Как видите, воинство, она их разглядела, но сама не поняла этого. И моментально забыла о том, что разглядела. На счет этого брака в... гм... выщепарящих кругах были сомнения...

– Но они все же поженились?

– Да, 147-небесно-голубое, поженились. Но этой паре просто повезло. После того, как ангелы-растратчики заметили движение души нашей подопечной, они уверились в необходимости этого брака. И подали ходатайство «наверх». И таким образом, брак стал сужденным.

– Получается, они зависели от нее не только в практическом смысле, но и, как бы, в консультационном?... Возмутительно!! Они что, не понимали, в какую ловушку попали?

– Наши махинаторы, 228-фуксия, конечно, не могли всего этого не понимать. Но у них и без того хватало хлопот: подопечная, понимаете ли... Она выросла.

XXVI

Можно считать, что риткино детство кончается где-то тут. Вместе с окончанием школы. Хотя на самом деле, детство уходило от нее постепенно, в течение четырех предыдущих лет, когда умирали родные. Лев Петрович за четыре года потерял отца, сестру и мать, и семья Летичевских уменьшилась ровно вдвое. Через месяц после последней – бабушкиной – смерти все три урны перехоронили рядом. Был холодный ноябрьский день с пробирающим до костей ветром. Лев Петрович, Елена Семеновна и Ритка – ей еще не исполнилось тогда шестнадцать – втроем, если не считать могильщика, среди кладбищенской пустоты, стояли вокруг крохотного клочка чуть разрытой земли, и каждый прижимал к груди одну урну. Это были равные команды – трое живых и трое мертвых, вой ветра и стук лопаты о ледяные комья... Ритке достался дед, она приоткрыла крышку урны и с удивлением смотрела на катышки жирного серого пепла в открытом сверху полиэтиленовом мешке...

Еще один школьный год – и грянул выпускной бал. Ритка на двенадцатисантиметровых шпильках оттанцевала вальс с физиком и отгуляла ночь по Неве. Домой ее, полуспящую у него на руках, доставил, естественно, Вовочка.

Между выпускными и вступительными экзаменами Ритка выкроила неделю, в очередной раз съездила к подруге Катерине, уже первокурснице МАИ, в Москву, собирала с ней грибы в подмосковных лесах, и мимолетно проводила глазами яркий серебристый самолет. Она не знала, что самолет этот летит в Рим, а в списках пассажиров значится Михаил Николаевич Оленин.

Глава вторая. Юность

I

Мишина новая знакомая Нина была очень взрослая, разумная, глубокая и образованная девочка из прекрасной семьи. Нина выросла в диссидентском доме, возле молодых, шумных, энергичных родителей и старшей сестры, уха-жеры-друзья-подруги которой перманентно толклись у них в гостиной. Музыка, книги, и общение, общение, общение такого уровня, которого не хватало Мише много лет. Это был новый мир, его настоящий мир! Надо ли удивляться, что и на девочку Нину то ли влюбленный, то ли притянутый какой-то иной мощной силой, мальчик Миша посмотрел со всем особыми глазами.

Нинины родители поняли непростую семейную ситуацию, сложившуюся у Лениных, пожалели и пригрели умного милого мальчика. Дом этот, со всеми заморочками, с проблемами правозащитников, отказников и отъезжантов, стал мальчику Мише роднее родного дома. Нина, близкая, созвучная, по-женски более взрослая и мудрая, стала почти сестрой...

Странные это были отношения. Потому что в те же шестнадцать Миша потерял невинность. Однако Нина тут оказалась ни при чем. Миша был высокий синеглазый блондин,

и его соблазнила вполне себе взрослая девушка. Известно, как многие мальчики относятся к таким вещам. Нина отдельно – девушки отдельно. Как мухи от котлет. Продолжал в том же духе.

Нина – это была совершенно другая тема. Это была тема самиздата и читальных залов Ленинки. Мишина мама Ирина Павловна, занятая выше крыши малышкой, видела, тем не менее, дамский ажиотаж вокруг старшего сына, и всегда скептически относилась к тексту, произносимому им при ежедневном уходе из дому: «Я в библиотеку». – «Как же, – думала Ирина Павловна, – знаем мы эти библиотеки. Только б никто в подоле не принес.»

Однажды, в один из таких «библиотечных» вечеров, с мишиной бабушкой внезапно случился тяжелый сердечный приступ. Такой тяжелый, что решили: умрет; и сама она так подумала. Впоследствии она выздоровела и прожила еще много лет. Но в тот вечер, «на смертном одре», она потребовала любимого внука – попрощаться. И Ирина Павловна стала Мишу, ушедшего, как всегда, «в библиотеку», искать.

Она обзвонила всех предположительно знакомых девушек и принялась за юношей. Никто не знал, где Миша. Она побежала по домам, где не было телефонов, по подростковым компаниям в округе. Безуспешно. И тогда Ирине Павловне пришла в голову удивительная мысль. «А может, он и впрямь в библиотеке?» – подумала она.

Вспомнила, что сын поминал Ленинку, схватила такси

и поехала прямо туда. Робко подошла к швейцару, понимая всю абсурдность вопроса, который должна была задать. Объяснив экстренность положения, попыталась выяснить, не видел ли он такого-то мальчика... И тут ее ожидало потрясение. Весь, без исключения, персонал Ленинки, от швейцара до директора, знал Мишу – в лицо, по имени, по фамилии, в какие часы он обычно бывает и в котором зале находится сейчас. Ирина Павловна, как по маякам, прошла по дежурным на этажах, просто называя фамилию сына и следуя в указанном направлении...

В тот год Миша уже почти нашел свою тему: нащупал направление, в котором хотел копать. Сам он потом говорил, что таков должен быть его вклад в развитие мирового духа. Гегельянец, на свою голову. Нашупав эту тему, Миша поступил в медицинский институт. Нина выбрала физику.

Студенчество и последующая аспирантура унесли увлекающегося молодого человека в хорошие шторма. Он покинул дом и стал снимать квартиру на паях еще с двумя юношами, один из которых был начинающий латиноамериканский кинорежиссер. Именно латиноамериканцу принадлежит красноречивый перл, иллюстрирующий мишину личную жизнь того времени. Однажды вечером, когда Миши не было дома, зазвонил телефон, и сосед снял трубку:

– Эллоу!

– Пригласите, пожалуйста, Мишу, – сказал женский голос.

– Эго нэту. Пэрэдать что-то? – предложил вежливый со-

сед.

– Передайте, что звонила Лена.

– И все?

– Все.

– Дэ-вуш-ка! – проникновенно сказал нетактичный сосед, – этого са-вер-шенно нэ-до-ста-точ-нооо!

...А что же Нина? А ничего. Нина была. Миша отбегал – и возвращался к своему альтер-эго. Нина просто существовала, она не волновалась, или делала вид, что не волновалась, и никуда не торопилась. Она понимала Мишу, она знала Мишу. Он не ставил ее в известность о своих похождениях, о бесчисленных ленах, о страстном романе с известной, замужней кстати, актрисой, о цветах, пронесенных из альпинистской палатки в альпинистскую палатку через заснеженный перевал, о влюбленной в него дочери научного руководителя... У Нины с Мишей были другие темы. То, о чем почему-то никогда не получалось поговорить с остальными, или получалось, но не совсем как надо... Миша делал себя в науке. Не в советском официозе – в мировом мейнстриме, строил упорно и умно уже тогда. С его изумительным английским это было трудно, но возможно... Он не был честолюбив, а хотел заниматься своим делом. Он был увлечен и красив в своем увлечении. Нина умела и могла говорить с ним о главном.

Кто поймет и объяснит, почему же так долго – более де-

сяти лет – продолжались «параллельные» увлечения и романы? Сам Миша потом говорил, что искал. Долго искал. Искал что-то, чего не хватало. А чего не хватало? Он и сам не мог объяснить.

А Нина была – он сам. Нина к нему словно приросла. Никто не знает, был ли у нее кто-то еще. Миша не спрашивал, это не было важно. В какой-то момент они даже попытались жить вместе. Но в момент, когда Миша решил, что, по его собственному выражению, «пора двигать на запад», и начал предпринимать к этому шаги, наличие Нины его в средствах не ограничивало. Это было начало восьмидесятых.

Миша решил уехать в Америку, и, после блестящей и скандальной защиты диссертации, фиктивно женился на гражданке Великобритании, чтобы выехать из страны.

Нина оставалась в Москве.

Серебристый самолет поднимался над лесами Подмоскovie, провожаемый взглядами грибников.

Так Миша оказался в Риме, по дороге в Штаты.

II

Студентка первого курса психологического факультета Рита Летичевская попала в эпоху звездопада. Реализованный девичий сон: семнадцатилетняя Ритка, в зеленой шапочке с огромным помпоном на нитке, шла через эти месяцы, и на каждом шагу к ее ногам с мелодичным звоном падали мужики. Кого там только не было, в этих придорожных сугробах! Прибалты и евреи, борцы и метатели молота, митьки и диссиденты, начинающие композиторы и актеры... Ритка назначала пробные или полуделовые свидания по пути своего следования в институт к часу дня – слишком много было желающих. Она их расставляла в узловых пунктах – точках посадок и пересадок: возле дома, у метро Академическая, площадь Восстания, знаменитый «микроклимат» (выход на канал Грибоедова со станции метро Невский Проспект) – из расчета минут по десять-пятнадцать на каждого.

Соответственно, каждый кавалер провожал ее ровно до следующего, после чего был отпускаем величественным жестом. Драть ее было некому.

Кажется, итальянцы, описывая существо женского пола в переломный год от подростка к девушке, употребляют выражение «красота дьявола». Трудно понять, отчего так происходит. После того, как сумасшествие, продолжавшееся около года, закончилось, никогда больше Ритка, пре-

вратившаяся позднее в весьма красивую молодую женщину, не имела успеха, даже отдаленно похожего на тот ажиотаж. Может, это в какой-то мере объясняет дикую самоуверенность и склочность ее тогдашнего поведения. Откуда ей было знать, что такое не навсегда?

В семнадцать это еще был такой лохматый чертенок: скорее резкий, нежели грациозный, скорее яркий, чем изысканный... Но все нужные составляющие были уже при ней: и ладные ножки, и тонкая талия, и покатая несовременная линия плеч, словно созданная для открытого бального корсета, – ее не могли спрятать даже модные в те годы подплечики, – и невоспитанная грива темно-темно-рыжих волос, а главное – огромные, глубокие черные глаза на нежном лице такой контрастной белизны, какая встречается почти исключительно у рыжих...

И на первом курсе Рита встретила Диму Смирновского.

Вообще, Дима учился у Елены Семеновны – ритина мама преподавала на психфаке, – и как-то заходил к Летичевским, когда Ритка была еще восьмиклассницей. Потом он рассказывал, что запомнил, как черноглазая девочка в цветном вязаном пончо открыла ему дверь. А Ритка вот его совершенно не запомнила. Позже мама взяла Ритку на спектакль факультетской студии – «Голого Короля» Шварца. Димка играл Христиана и очень красиво целовался с Герцогиней – ослепительной Зариной Манукян.

Тогда Ритка его запомнила, но, пожалуй, не очень-то прониклась. Хотя где-то в голове отложилось, что о нем шепталось чересчур много девушек. Ритка всегда была чувствительна к таким вещам.

Став первокурсницей, Ритка тут же кинулась с головой в эту же самую театральную самодеятельность. Елена Семновна руководила художественным советом от преподавателей, и вела заседание 9 октября 1982 года. Среди девушек сидели за столом двое парней-старшекурсников, их представили: Юра и Дима. Тут Ритка и фамилию вспомнила, и дамский ажиотаж. Удивилась: «как картинка» Юрка Залесский показался ей теперь даже симпатичнее, он был блондин, а Ритка имела слабость к блондинам. Но тут Димка улыбнулся кому-то, двинулся, посмотрел в риткину сторону... И она все поняла.

Димка, что и говорить, был красивый молодой человек. Не брутальной красотой качков и суперменов, но и не красотой смазливых манекенчиков. Тип его, если уж брать знаменитостей, можно примерно определить, как тип Константина Хабенского (который в те времена еще только-только надел пионерский галстук): тонкая ирония и неповторимая пластика движений.

Чуть выше среднего роста, слегка обаятельно сутулый и очень пропорциональный. Брюнет с зелеными глазами. Умный, сдержанный, закрытый. «Трещина» в голосе, ари-

стократически впалые щеки, всегда серая тройка и элегантное пальто. Можно вообразить себе, как смотрелся такой персонаж на преимущественно женском факультете.

Это была факультетская «детская болезнь» – в ноябре, после первого самодеятельного конкурса, восемьдесят процентов первокурсниц влюблялись в Смирновского. Обыкновенное дело. Поскольку, даже если б Димка очень хотел, он все равно не смог бы обратить внимание на всех соискательниц, большая часть от этой, чисто созерцательной, любви излечивалась через пару месяцев. Хуже было с теми, на кого он все-таки внимание обратил.

...Так вот, тогда на худсовете он посмотрел в риткину сторону. И больше не отвернулся. Протянулась ниточка, которую заметила не только Ритка, но и димкины ревнивые соседки.

– Сценарная группа, – сказала тут Елена Семеновна, обращаясь к Ритке с подругой, – вам поможет Дима Смирновский. Выйдите, поговорите, договоритесь, что и как.

Ритка встала и пошла к двери. Димка встал вслед за ней.

– Дима-а! Ты верне-ешься? – тихонько пропела ему вслед одна из удивленных соседок. Все засмеялись.

«Хрен он вернется,» – решительно подумала Ритка.

...Повстречались, как говорится, два барана, юные разбиватели сердец... Ритке было семнадцать, а Димке двадцать: в том нежном возрасте – разница огромная. С одной сторо-

ны, он и чувствовал себя наставником: книжки давал читать, таскал за собой по студиям и окололитературным тусовкам. После исторического худсовета они словно склеились боками, как сиамские близнецы Чанг и Энг. С другой стороны, то, что сначала воспринималось, как очередной милый романчик, скоро стало занимать Димку как-то совершенно иначе: уж больно необычной оказалась девочка Рита. Он исходно обратил внимание на красивую, совсем юную черноглазую девочку. На вид ей было как раз ее семнадцать, эмоции тоже такие... То, что обнаружилось потом, и что Димку удивляло в Рите, он про себя называл словом «голова». И прибавлял: «Незаурядная». С Риткой было интересно. Необычно. Странно. Ярко...

Они шлялись по вечернему Невскому, под руку под димкиным зонтиком. Они были до того красивой парой, что нередко посторонние бабушки при встрече начинали промакивать платочком глаза. Ритка клала ладошку на мягкий рукав димкиного серого плаща, и слушала тихо шуршащую по черному зонтику морось. Мимо плыл золотой Гостиный... Подсвеченный зеленым Елисейевский... Последняя пара шахматистов в Катькином саду... Вечернее суматошное метро – как оказалось, они еще и жили рядом, в семи минутах ходьбы друг от друга...

Они целовались впервые 16 октября 1982 в риткином подъезде у батареи.

– Чего это? Ты целуешься с открытыми глазами! – удив-

лялся Димка. – В книжках написано, что так не бывает.

– Так мне ж тоже интересно на тебя смотреть! – отбивалась Ритка. Это было и вправду интересно. У него менялось лицо. Исчезала ирония, острый взгляд расплывался, вспыхивали щеки, а дыхание становилось длинным, как при вдыхании цветочного аромата.

– Ну, и какое у меня лицо?

– Какое-какое... Глупое, эсквайр!

Факультет учился во вторую смену, занятия начинались в час пятнадцать. Чаще всего эти двое встречались по утрам у Димки дома, и редко потом не опаздывали. Но ничего серьезного между ними не было. Ритке было семнадцать лет, и она держала данное матери слово: блюсти девичество до совершеннолетия. Обещание она потом все равно не выполнила, но – это оказался уже не Димка... Димка же и пальцем не пошевелил, чтобы ее уговорить. В этом был весь Смирновский – ничего и никогда он не стал бы добиваться, был готов взять только то, что само в руки свалится. В принципе, его понять можно: ему двадцать было всего. Девочка-ребенок, дочка преподавательницы, – страх оказывался сильнее любых желаний.

Ритка понимала, что Димке тяжело ограничиваться ласками. Они пытались иногда просто сидеть рядышком и читать книжки, но удержаться от волшебных незавершенных безобразий не получалось: сначала что-то эдакое появлялось

в том, как они произносили слова, потом сбивалось дыхание, пара текстов не попадала, потом Ритка вдруг замечала, что он смотрит не в книгу, а на ее губы... И тут Димка руку, которая лежит на спинке дивана, сгибал в локте, и легко-легко пальцем проводил Ритке сзади по шее... Бац! – падала книжка. И джаз, у Димки всегда играл джаз...

...В день похорон Брежнева, в жуткую рань и холодрыгу, у Ритки ни с того ни с сего должен был состояться какой-то семинар на другом конце города. А спать-то... ой, Ритка умирала просто, как хотелось. Мать безжалостно вытолкала ее за дверь, и проверила, что она не досыпает, держась за дверной косяк, а зашла в лифт.

Но Ритка сообразила: семь минут до Смирновского. Добрела с трудом. Позвонила. Открывает дверь Димка – с закрытыми глазами. Ритка говорит:

– Я спать пришла...

Димка:

– Ага...

(Пауза. Оба поспали).

Ритка:

– Подушку брось мне где-нибудь...

Димка:

– Что?

(Пауза)

Димка:

– Привет. Заходи. (Открыл один глаз): Только давай поспим еще, а?

Потом Ритка долго спала в большой комнате на диване с ковровым покрытием, под пледом. Следующее впечатление было: траурный марш. Проснувшийся Димка приперся и врубил телек, там как раз Брежнева на лафете катили. И он решил совместить приятное с полезным, не Брежнев, конечно, а Димка. Губы, руки, траурный марш. Едет Брежнев на лафете, а Ритке его не видно, только слышно... Да еще и кавалер периодически отвлекается от своего занятия, отворачивается и с интересом наблюдает не видимый ей процесс...

Ассоциативная связь осталась у Ритки на всю жизнь: «Брежнев – ковер – любовь – траурный марш.»

III

Так вот, через два месяца утренних нежностей, вечерних прогулок под дождем, увлеченных забегов в Эрмитаж каждое четверговое утро, когда занятия начинаются в два, ежеперерывных встреч в курилке и совместных сценарных экззерсисов, они приближались к злосчастному декабрю.

Ритке, видите ли, не доставало романтики. С ее тогдашней, звездопадной, щенячьей точки зрения, Димка недостаточно ценил то, чем обладает. Он был сдержанный молодой человек: серенад не пел, букетов к ногам не швырял и на коленях не стоял ежедневно перед дверью аудитории в ожидании риткиного высочайшего появления. Мог, правда, освободившись на три часа раньше, прождать ее в курилке, промерзнув до костей. Но этих случаев Ритка вовсе не замечала тогда: неэффектно. Даже в любви он объяснился таким вот образом:

– Я, – говорит, – никогда в любви не объяснялся. Так что можешь считать, что ты первая.

Видимо, этим Ритка и должна была быть счастлива?

Дергать его она начала уже в ноябре: обожала загнать что-нибудь типа: «Погуляли – и будет, расставаться надо красиво.» Когда Ритка изрекла это впервые, бедный Димка просто остолбенел. Это было на Невском возле Гостиного, лед на лужах, синие сумерки, Димка в сером плаще, с вытяну-

тым лицом, резко повернулся к Ритке:

– Ты что?? ...Я так не хочу!!... – губы чуть обиженно надуты, и видно стало, что этому Чайльд-Гарольду все-таки всего двадцать, глаза по-телячьи обиженные. Полез целоваться холодным сухим ртом.

Но и этой реакции Ритке было недостаточно. А Димка к тому же взял себя в руки. После того первого раза все ее разговоры на эту тему встречали только полуиронический вопрос: «Тебе что, плохо?» А Ритка-то ждала как минимум развернутых объяснений в любви, которых ей от Димки вечно недоставало. Ритка знала, что димкины сокурсники относятся к ней, как к очередной временной пассии, которых видели они уже немеряно рядом с ним, а его явную увлеченность на этот раз считают просто досадным недоразумением. Ритку это, ясно море, раздражало. Короче говоря, девятого декабря она сообщила ему, что между ними все конечно, развернулась и ушла, не оглядываясь.

Пожалела в тот же вечер. Поняла за несколько часов, что влюблена по уши. Сразу все как-то накинuloсь, вспомнилось... Димка в альковной обстановке был возмутительно красив, словно пластика, которой он был наделен, с самого начала специально была приспособлена к этому занятию. Ритка, зеленая совсем тогда, еще не знала, какими мучительными могут быть воспоминания, как трудно встречать в коридоре человека – отдельного, закрытого, недостижимого, запретного для тебя, – и помнить виденное сквозь туман неги

мягкое струящееся движение руки в белом рукаве рубашки, властное и восхищенное, подчиняющее и возносящее... А литературные споры на подушке, а анекдоты, рассказанные почти беззвучно из губ в губы, а словечки, а ритуалы... Все, как всегда бывает. Только для Ритки-то тогда – впервые.

Она прождала его три часа возле метро Академическая. А он в ту пятницу с мамой ночевал у бабушки на Рубинштейна. Ритка совершенно забыла об этом. Не дождалась.

А в понедельник она увидела его со Светланой.

Светлана училась с Димкой в одной группе. Высокая – одного с ним роста, если не выше, диспропорциональная, с очень странно заостренным и вытянутым лицом, к которому, однако, вполне можно было привыкнуть, если часто видеть, – чистая кожа, ясные серые глаза, – с великолепной толстой русой косой ниже лопаток. Отличница. Комсорг группы. Слегка ханжа, зато хорошо умела слушать. На факультете, еще до риткиного там появления, говорили, что Светлана носит за Димкой дипломат, и это была почти правда: она самоотверженно прикрывала все его прогулы и несделанные задания. Ну, и прозвища были соответствующие: ее звали Селедочкой – за конфигурацию и бесстрашие, или еще Стремянкой – издевались, что Димке придется становиться на стремянку, чтобы целоваться. Неизвестно, знала ли обо всем об этом Светлана, однако, судя по ее поведению, чувства собственного достоинства в том, что касалось Димки, у нее не было вообще.

Но до первокурсницы Ритки вся эта информация пока просто-напросто не долетела. Уязвленный Димка возвращается в лоно своей группы, где его, как в десяти предыдущих случаях, встречают с распростертыми объятиями. С риткиной же точки зрения, Димка, не пострадав ни неделки для приличия, моментально возвращается к старой любви. И возникает вопрос: а был ли мальчик? И есть ли о чем страдать самой?

IV

– Пока мы смотрим эту историю взросления нашей подопечной, воинство, обратите внимание и на то, как работает тщательно и профессионально организованная «противфаза»... Но молодо-зелено, воинство, нос вытащил – хвост увяз, и этот период обогатил эпизодами обвинительное заключение.

V

...Новый год Ритка встречает без Димки, у нежно любимого одноклассника Вовочки. Компания человек в двенадцать-пятнадцать, где явственно верховодят трое: Ритка, Вовка и вовкин родной брат Пашка, на год всего моложе. В компании интриги, романы, сложности, разборки, поцелуи вперемежку с мордобоем конкурентов, – полный набор щенячьих радостей. Тусуются всю ночь, к рассвету Ритка с Вовкой уже тоже целуются, но крайне дидактически: Ритка учит Вовку делать это правильно. При этом никакой тяги к уединению участники, кажется, пока не испытывают, наоборот: поцелуи явно проигрывают возможности посплетничать и похихикать. Пашка присутствует и даже дает советы. Нежно-фамильярные взаимоотношения бывших одноклассников столь обаятельны, что Пашке тоже хочется в них участвовать, он предпочитает отложить на потом даже возможную интрижку с кем-то иным, чтобы не нарушить царящую в тройке мушкетерскую гармонию.

Поздним утром, наконец, наступает «пересменок»: гости оставили попытки подремать прямо на поле боя и разбрелись отсыпаться по домам, впереди новый вечер гульбы, нужно набраться сил. «Основные» остаются втроем. Весело едят на кухне из одной сковородки. Мальчишки очень похожи: одинаково белокурые, мощные в плечах, высоченные. Ритка

между ними, как гриб-подосиновик: маленький, округленный, лохматый и глазастый рыжий чертик. Смотрят на себя в зеркало, им нравится.

Охота отдохнуть, но жалко времени. На полу под елкой гости оставили выделенный им, для отсыпа вповалку, поролоновый матрац. Мальчишки с длинным стоном падают ничком на него, рядом. Оглядываются на Ритку и отодвигаются один от другого.

– Летичевская! – ласково зовет Ритку Вовка. – Иди, ложись между нами. Будем думать, что дальше делать.

И Ритка падает между парнями, растягивается и мотает головой. Они некоторое время толкаются, потом начинают друг друга щекотать, потом скатываются на пол и решают в кино пойти попозже. Потом Вовка поит Ритку спиртом с вареньем из наперстка, она впервые в жизни вдрызг пьянет, не может удержать равновесие, даже лежа на этом самом матрасе...

И вдруг садится и долго смотрит на Павла.

– Морячок-то этот, – заплетающимся языком говорит она, – Саша, что ли? Девуца у него... С косами, фу ты – ну ты!

Пашка внезапно настораживается, и рукой затыкает Вовку, который пытается перевести разговор.

– Ну? – напряженно говорит он.

– Ната-таша? – пьяно спрашивает Ритка.

– Наташа, – недоумевает Вовка.

– Паша!!!! – и Ритка хохочет, руками удерживая голову вертикально. – Паша! Нагнись, чего скажу.

Вовка видит, как Пашка медленно наклоняется к Ритке, морща нос от невыносимого спиртового выхлопа. Потом выпрямляется и испуганно смотрит ей в глаза.

– Откуда ты можешь знать? – спрашивает он.

– Во-о-вка, – тянет Ритка, укладываясь назад на матрас, – скажи ему, что я ведьма. А то не поверит, ах, не поверит...

Пашка поворачивается к Вовке и серьезно смотрит на него. Вовка обалдевает.

– Да? – спрашивает Павел.

– Да, – автоматически подтверждает Вовка...

– Так что? – теперь Павел растерянно обращается уже к Ритке. – Как к ней подойти-то?

– Да поззз-звонииии, – Ритка уже еле ворочает языком, – Не нужен ей ее моряк-спички–бряк,... – и Ритка засыпает.

VI

– Подопечная так пьяна, что впоследствии вообще не помнит этого разговора. Два года спустя Павел будет разыскивать ее, чтобы пригласить на свадьбу. Но ничего не выйдет – Ритка будет уже в больнице... Еще один «пересуд», воинство. Еще один в копилку.

VII

Кстати, зиму наступающего восемьдесят третьего Ритка лично призвала в Питер. Это было в декабре, в отвратительно холодную, бесснежную питерскую слякоть.

Ритка и какой-то ее ухажер поехали тогда гулять на заледеленый, весь в тучах, грозно-ветренный залив. Отбежав метров двести от берега по голому незапорошенному льду, Ритка, хохоча, крикнула темнеющему горизонту:

– Эй, ты там! Небо, Господь, Всемирный Дух или Снежная Королева! Хватит тянуть! Пошли нам зиму, зиииииммуу!!! Пошли нам снег – метель, вьюгу, буран!!! Или слабо?!

И, на глазах у изумленного ухажера, сразу после этих слов взвыл ветер, и с залива налетел первый вьюжный залп, хлестнул мелкой крошкой им по лицам, вынудив в легком испуге бежать к берегу. Этот самый снежный ветер летел за ними три часа, сердито стуча в окна автобуса и электрички, и опередил, и они нашли город уже утопающим в снегу...

Ритка была таким неумным щенком в ту зиму, что еще не умела даже страдать. За ней продолжали ухаживать какие-то люди, в том числе из их с Димкой общей компании все отметились по очереди. Ритка никого особенно близко не подпускала, но ухаживания принимала: ей хотелось, чтобы Димка ревновал. С другой стороны, ей казалось, что по-

скольку она сама никакого значения всем этим ухаживаниям не придает, то Димке это тоже никак помешать не может. Классическая женская ошибка, между прочим.

Но самая неожиданная ловушка Ритку только подстерегала... Они с Димкой продолжали встречаться в общем клубе – в факультетской курилке, которая к тому времени не могла существовать без каждого из них, так же, как они без нее. И обнаружилось, что, даже вроде бы против желания, их дружба продолжается. Личностно они так и не смогли оторваться друг от друга. Димка названивал ежедневно, находя тот или иной «интеллектуальный» повод, и они разговаривали часами.

При этом Ритка была глубоко уязвлена его «изменой», а он не предпринимал шагов, которые только и могли бы их помирить... Не понимал, или не хотел? Может, и не хотел. «Там» его не дергали, ничего не требовали, никакой конкуренцией не пугали... С димкиным доминирующим стремлением к покою и комфорту, это было сильно. Таким вот образом, два полотна побежали от полуигрушечной ссоры-стрелки, пока еще незаметно расходясь все дальше и дальше...

Потому что в марте Ритка встретила Лакомкина.

VIII

– ...Сама встретила?...

– Извините, не расслышало. Воспарите. Повторите погромче вопрос, 32-индиго, прошу вас.

– Я спросило: вот прямо так сама, спонтанно, случайно, встретила??...

– Гм. Да. Вы смотрите в корень, хотя и хулиган... иногда. Да. Вы, конечно, правы, уважаемое 32-индиго. Тщательно и точно организованная противофаза... Но даже учитывая, что встретиться этим двоим помогли... Тем не менее, нам придется остановиться на этой истории подробнее, Воинство. Это важный момент в женской жизни. Внимайте.

IX

Лакомкин! Это вам была не Светлана!

Лехе тогда двадцати еще даже не было. Он учился – если это можно так назвать – на третьем курсе театрального института. Лехин приятель Васька с режиссерского подрядился на небольшую подработку – дважды в неделю вести на риткином факультете некоторое подобие театральной студии. И попросил Леху пару первых раз сходить с ним, для фасону и смелости. Васька был маленький, плюгавый и стеснительный, а Леха – совершенно типичный голливудский красавчик, мечта любой пэтэушницы: широкоплечий кудрявый ша-тен с узкими синими глазами (за которые Ритка потом почему-то прозвала его Скифом), – при этом милый, улыбчивый, обаятельный и не без зачатков интеллекта. Васька правильно прикинул впечатление, которое Леха должен был произвести на преимущественно женский факультет, и пообещал приятелю, что выбор будет велик. А уж что Леха умел делать, так это играть в романтические отношения.

Вопрос в данном случае стоял в таком виде: как выбрать ту, с кем играть. Скорее всего, подписавшись Ваське помочь, Леха готовился купаться в обожании, и никак не был готов к серьезной борьбе за даму. Именно поэтому на него неожиданно сильное впечатление произвело первое появле-

ние мадемуазель Маргариты Летичевской. В течение пятнадцати минут в комнату, где Васька и Леха собирались знакомиться с заинтересованными студентами, входили, вбегали и вплывали девушки-девушки-девушки – всех мастей, размеров и фасонов. А в последнюю минуту в дверях появились два привлекательных молодых человека, которых явно совсем малолетняя рыжая девица с ослепительными черными глазами одновременно держала под руки (Смирновского слева, Залесского справа). И по рядам уже усевшихся девушек-девушек-девушек прошелестел легкий вздох дистиллированной язвительной зависти-зависти-зависти.

Леха был не новичок в таких делах, он немедленно услышал зов боевой трубы. Труба играла зорю с такой силой, что отголоски донеслись до всех, находившихся в комнате. Леха не запомнил в тот раз ни одного лица – он ни разу не отвел от Ритки совершенно телячьего взгляда.

И пошел в атаку.

В радиусе пяти окрестных факультетов, кажется, не нашлось бы ни одного человека, который не следил бы за этой великолепной военно-романтической кампанией. Тут были и бросаемые к ногам бесчисленные цветы, и страстные признания-граффити на стенах, и серенады – все-таки будущий актер! Тут была нежная забота, укутывание и подкармливание на каждом шагу, и эффектные сцены с переноской на руках туда-сюда, и ночевки под окном, – в общем, полный комплект донжуанских безобразий.

Куда там было устоять романтической семнадцатилетней девочке... Но и Лакомкин, как хороший будущий актер, весьма вжился в образ. В апреле они оба уже выглядели потерявшими последние остатки разума, практически не пытались учиться, и только шлялись целыми днями по теряющей ледяной покров Неве. Незамутненное ничем счастье этих приневских шатаний Ритка много лет будет вспоминать потом при попытке понять... И, наконец, догадается – да что там понимать? Все, чего ей так не хватало в романе с Димкой, предполагавшем соблюдение приличий, сдержанность и глубину, – все в чистейшем, как слеза, виде, она нашла у Лакомкина: весну, юность, ясность и простоту, р-р-р-романтику через очень много «р», такую, о какой мечтает любая девчонка в этом возрасте, и какая, можно согласиться, есть кич, банальность и дешевка, но для того, чтобы презрительно отвергать ее, нужно хотя бы однажды насладиться ее прелестями... Обязательно нужен рядом такой парень, чтобы в метро шептались контролерши: «Какой красивый!», в розовой рубашке и голубых джинсах, как из детских снов, смешливый и сильный, откровенно, даже картинно влюбленный, целующий тебя, легко посадив на парапет набережной, который, распахнув окно в первую майскую грозу – она всегда приходит в апреле, – кричит на весь город: «Я люблю тебя!» – и жалко, что нельзя выпрыгнуть в эту самую грозу с шестого этажа..., но вы все-таки убегаете носиться в мокрый и разнузданный дождь... и счастливее вас нет никого

на свете, честное слово!

Димка Смирновский наблюдал всю эту вакханалию. «Купаешься?...» – иронично-утвердительно спрашивал он Ритку. Однако, опасность оценил адекватно, и даже начал бороться. Только Ритка-то совершенно не поняла, что это он так борется. Когда ему удавалось завладеть риткиным вниманием, или – о удача! – выгадать момент для провожания ее домой, он начинал разговаривать отвлеченные разговоры, интеллектуальные и не очень. Про собак, например, – однажды он сорок минут рассказывал про собак, ведя Ритку под руку вдоль прелестного весеннего вечера. Как она могла бы о чем-то даже догадаться?!

В конце апреля Лакомкин сделал Ритке предложение. Они сфотографировались вместе, и Ритка повесила фотографию над кроватью. Они бы поженились сразу, но Ритке еще не исполнилось восемнадцати лет. А через месяц, когда Ритке исполнялись эти самые вожеленные восемнадцать, Леха должен был уже находиться в Одессе на невероятно важных кинопробах: он понравился известному режиссеру, снимавшему что-то костюмное из прошлой жизни, со шпагами, камзолами и скачками на конях по городам и весям. Но конечно, в мае месяце вся эта бюрократия не имела для происходящего у Ритки с Лехой уже никакого значения. Какая тут бюрократия, когда любовь?...

Х

– Видите ли, воинство, вы впадаете в очень типичное заблуждение. Вам кажется, что такая веселая, активная и влюбчивая девушка, как наша подопечная, подошла к этому моменту... Гм... так сказать... во всеоружии...

– Извините, вашблестательство, что вы хотите сказать? Я еще раз прошу прощения... Что, разве героиня не знала... ну... откуда берутся дети?!

– Снижайтесь, 763-охра. Гм. Это очень упрощенный подход. На самом деле, теория и практика в этом деле – это две большие разницы... как говорят в Одессе... куда, кстати, собирался на кинопробы Лакомкин.

XI

Когда Ритке было шесть лет, во время тихого часа, садовский приятель, от которого в ее памяти не осталось ни одной черты, кроме красных трусиков, продемонстрировал ей «это самое». Объект показался Ритке крайне уродливым и малофункциональным. Такие навороты, чтобы просто пописать??? Непонятно.

С тех пор, вопреки всем теориям Фрейда, в течение нескольких лет Ритка поглядывала на мальчиков с некоторым презрением. Строят из себя, а у самих между ног какая-то авоська болтается дурацкой конфигурации...

Позже Ритка догадалась, что эта фиговина имеет отношение к деторождению. Но какое именно, долго не знала: мало интересовалась. Нет, это не значит, что ее мальчики не интересовали. Очень даже. Внимание мальчиков ее интересовало, а фиговина у них между ног – нет. Казалась смешной и противной. Долго.

В пятом классе Ритка еще представляла процесс приблизительно как поверхностный петтинг, и считала его таким пороком-пережитком капитализма, вроде курения или карточной игры, которому предаются низкие пошлые люди, крапивное семя. Когда до Ритки, наконец, дошло, что именно так (то есть, согласно ее знаниям, в результате поверхностного петтинга) люди производят себе подобных, она чуть

не разочаровалась в человечестве. Мысль о том, чтобы голой лечь в постель с голым парнем, была дикой и отвратительной, словно из жизни обезьян, причем даже не человекообразных. Интересно, что Ритка почему-то была уверена: обязательно мужчина должен лечь на женщину, именно в этом весь цимес⁷. Неизвестно, приходила ли ей в голову мысль, что и ее саму тоже так сделали. Если и приходила, то Ритка ее успешно вытесняла. Родители у нее были такие приличные люди. Может быть, они нашли способ как-нибудь избежать этого извращения. Хотя, вряд ли, конечно...

У Ритки в ту пору была подружка Леночка, еще более «с белыми бантиками».

– Как люди делают детей? – спросила как-то Леночка, и Ритка вынуждена была отвечать.

– Мужчина должен лечь на женщину. Тогда ребенок будет, – нехотя сообщила она.

– Голые? – в ужасе округлила Леночка глаза.

У Ритки не хватило духу сознаться, что голые.

– Одетые, – мрачно соврала она, – просто обязательно мужчина сверху должен лечь. Успокойся.

Леночка-то, может, успокоилась. Но не Ритка. Жизнь,

⁷ Сладкое блюдо еврейской кухни; считается большим деликатесом и лакомством, именно поэтому в переносном значении это слово употребляется в значении «то, что надо», «самое лучшее».

в которой огромной заманчивой перспективой сияли будущие романы с замечательными мальчиками, казалась ей теперь глупой донельзя. Влюбиться, встречаться, преодолеть преграды, выслушать головокружительное признание, дотронуться друг до друга, поцеловаться (поцелуй представлялся Ритке невесомым, как крыло бабочки), пожениться... И что, вся эта вожделенная цепочка заканчивается отвратительным совместным возлежанием нагишом? Бээээ.

Не-е-ет, думала какая-то часть риткиных детских мозгов, что-то тут не таааак... Что-то тут не так.

В 12 лет Ритка услышала краем уха ужасающую историю про то, как к одноклассницам Таньке и Вальке приставал на улице мужик. Текст – в передаче потрясенной Вальки, тоже слабо разбирающейся в вопросе, – Ритку так потряс, что она сразу запомнила его наизусть. «Поехали, – говорил мужик, – я вам орган покажу. Вы-то еще маленькие, не понимаете, а вот те, что постарше – те все сосут, сосут...»

Ритка попыталась представить себе такую запредельную психическую патологию. Чтобы этот мягкий и склизкий мочеиспускательный агрегат, даже на вид очаровательный примерно, как мучнистая личинка шелкопряда, брать в рот, сосать, причмокивая от удовольствия????!!!!

Это уже даже обезьяны не могут делать, а разве что какие-нибудь жабы или рыбы, причем сумасшедшие от рождения, наверное, родились в сточных водах химкомбината.

Тем не менее, этот эпизод заронил в риткину голову смут-

ные подозрения о роли известного объекта. Как-то он в новой схеме из процесса выпадал. Не находилось ему достойного применения. А тогда чего его показывать, да еще таким интригующим тоном?

В 13 лет Ритке, наконец, вовремя попался журнал «Здоровье». Небольшую статью, пафос которой сводился к тому, что мутатор мыть надо, Ритка изучала часа четыре, дедуктивным методом, соотнося каждое слово с обрывками предыдущей информации и продираясь сквозь частокोल иностранных слов.

«Фрикции»! «Эрекция»! «Эякуляция»!

XII

– Стуоп, стуоп! Чтуо такуое «фрикции», «эрекция» и «эякуляция»?

– Гм. Гм. Дайте 515-ультрамариноу статью. Вот и эксперимент проведем. Оно прочтет, и сейчас нам точно изложит, к каким выводам пришел подросток с нормально развитой логикой.

– Уочень хуоруошуо. Давайте. Так... Так... Интереснуо...

– Ну?

– Вывуод первый: уобъект, уо куотуоруом идет речь, занимает в пруоцессе центральнуое местуо.

– Ну, об этом нетрудно догадаться.

– В каком процессе?

– Ах ты ж мое розавинькое!...

– В двупуолуом акте суоития с целью размнуожения, уважаемуюе 26-пуоруосячье-руозуовуюе. Далее, вывуд вту-

оруй: пруюсс... гм, гм... явнуо пруюдуолжается дуостату-
очнуо дуолгуо...

– В каком смысле «достаточно»?

– Гептаруковод имеет в виду, что быстро «налечь» и сразу
отпрыгнуть недостаточно, да ведь?

– Куоллега 32-индигуо весьма туочнуо выразилуо муою
мысль, уважаемое 118-ядуовитуо-зеленуое. Далее, третье:
в пруюссесе уобе стуоруоны пруюизвуодят какие-туо... гм...
телуодвижения... Я суовсем не пуонимаю, какие именнуо...
Сказывається пуолнуое уотсутствие уопыта реальнуости в пу-
одуобнуом теле...

– Да, это проблема. Уважаемое 515-ультрамарин, этот ас-
пект я вам потом разьясню, на личной консультации, дого-
ворились? Пожалуйста, дальше.

– Четвертуое. Уобъект каким-туо уобразуом вставляється
в телуо женщины.

– Что значит «каким-то образом»? Там раньше явно было
сказано... было сказано...

– Нет, муое дуоруогуое 26-пуоруосячье-руозуовуое, ву-

опреки предыдущей информации, из статьи становится ясно, что объект вставляется не в ротовую отверстие!

– Интересно, как ты это узнало? Там что, прямо так и написано?

– Нет. Но неоднократно упоминается, что во время этих диких манипуляций партнеры разговаривают друг с другом. Насколько я помню, у человеческой расы нет других способов устной беседы, кроме как при помощи ротового отверстия?

– Да, вы правы.

– Ну ладно, если вы все выяснили, то и мне расскажите. Что такое это самое, как его? «Эрекция»? Вы поняли?

– В некую степень, 26-процентно-розовое, только в некую степень. Я понимаю, что это какое-то состояние мужчины, которое наступает само, помимо его воли.

– Знаешь, розовое, как чихание там, или покраснение щек...

– Извините, 147-небесно-голубое, щеки – это где?

– Вот тут, под нимбом спереди.

– Уони муогут менять окраску? Секунду, я запишу...

– Не отвлекайтесь! А «фрикции» – это что?

– Я так пуонялуу, чтоу этуо какое-туо нужное действие, нуо уонуо пуочему-туо всегда в дефиците. Мужчина пуочему-туо не хуочет... или не муожет делать егуо... мнуогуо...

– А «эякуляция»?

– А этуо, видимую, какое-туо выделение. Уонуо сильноу пачкает местую пруюисшествия и уобладает пуобуочным снуотвуорным действием. Весьма, весьма неужиданнуо... И вы еще удивляетесь, чтоу ваши репродуктивные традиции кажутся мнуогим экзотичными!

– Уважаемое 515-ультрамарин, я вам сердечно благодарно. Вот, воинство, – примерно такие же выводы сделала из этой статьи и наша подопечная.

XIII

Но больше всего заинтересовало Ритку загадочное слово «оргазм». Сначала она решила, что это опечатка при наборе слова «организм». Но потом, перечтя фразу, поняла, что речь идет о фазе некоего процесса. Даже в тексте было заметно, что авторы статьи употребляют это слово с какой-то брезгливой осторожностью. Слово Ритка запомнила, и дома не поленилась слезать в Большую Советскую Энциклопедию. Статья начиналась так:

«Высшая степень чувственного наслаждения...»

Ва-а-у-у!!! Так вот в чем трюк, поняла она. Это приятно!!! Где-то там у нее, в нижней части тела, есть дыра (наверное, та самая, откуда появляются месячные), в которую мужескому полу приятно засовывать свою странную конструктивную деталь. Причем, судя по всему, самой Ритке это тоже должно быть приятно. Сомнительно что-то. Хотя... Допустим. Допустим! Потому что это все объясняет!!

В то, что это приятно, Ритка поверила быстро, хотя даже просто обнял ее парень впервые только два года спустя. Зато взрослый парень: ему было почти восемнадцать, а Ритке всего пятнадцать. Она была в мамином платье, шерстяном, белом, с синими полосами елочкой, они бежали из кино под дождем без зонта, он обхватил ей плечи, прикрывая, как мог, рука была горячая и тяжелая. Потом, кстати, именно этот па-

рень Ритку первым и поцеловал – годом позже...

Так вот, хоть она и поверила, что это приятно, попробовать как-то ее не тянуло. Ритка себя чувствовала маскирующимся дилетантом: участвовала в соответствующих девчачьих разговорах и делала умное лицо, по-прежнему представляя себе механику действия по той давней статье в журнале «Здоровье».

Влюблена она была с тринадцати лет, как уже говорилось, в мальчика на класс старше, с которым даже не была знакома: два года стихов и бесплодных мечтаний. Правда, параллельно ни в чем себе не отказывала. Но никакой связи в голове, между мечтами о любви этого мальчика и чем-нибудь физически осязаемым, не возникало.

В девятом классе началась дружба с Вовочкой, и наконец появился этот оттенок сексуального волнения, который, впрочем, Ритка игнорировала удивительно успешно.

Однажды Вовочка, по-дурацки желая произвести впечатление, рассказывал о какой-то пьянке-гулянке со старшими товарищами, и что приятель его какую-то девицу трахнул, далеко не отбегая.

– Вот, – говорит, – то еще зрелище, смотреть противно, – и кривится так пренебрежительно.

В ту пору Вовочка относился пренебрежительно абсолютно ко всему, от порнографии до Мариинского театра. Ритку это злило ужасно.

– Ах, противно, – ехидно говорит она (сердитая, что са-

ма-то не видела, а если б увидеть, сразу все бы и узнала, эхххх!) – у нас тонкий художественный вкус! Как же! Как же!

– Нет, – стоит Вовочка на своем, – в самом деле противно. Ты просто не видела.

– Ладно, – говорит Рита, – смотреть противно. А самому участвовать?

И тут он словно споткнулся: воображение подвело. Видно, уже знал не понаслышке.

– Участвовать – ничего, – тихо сказал. – Нет, правда. Самому участвовать – это ничего.

Ух, как Ритку окатило! Ни фига себе! Даже Вовочка-все-пренебрегающий! Значит, в самом деле, сильно приятная штука?!

В шестнадцать лет, начав целоваться с мальчиками, Ритка обнаружила сразу несколько удивительных вещей...

XIV

– Братия, кто было девочкой?... Ну, смелее!... Кто из вас было или бывало девочкой шестнадцати лет?... Не может быть, что никому не повезло!...

– Ну вообще-то... Я... Только давно...

– 926-белая ночь, вы меня просто выручили! Воспарите, пожалуйста.

– Оно сейчас нас нау-у-учит...

– Да тут много ума не надо, пусть расскажет.

– Не хамить, и тишину соблюдайте. Дорогое 926-белая ночь, итак, вы начали целоваться с мальчиками.

– Я???

– Тьфу. Вашблистательство, с ним придется непросто.

– Ничего, я попытаюсь. Девочка, которой вы когда-то были, начала целоваться с мальчиками. Помните?

– А. Ну да. Примерно помню.

– Расскажите нам, что вас удивило тогда, что было в этом нового и неожиданного для вас?

– Ага. Ну, что... Меня удивило, что мокро.

– Как-как?

– Мокро. Поцелуи мокрые.

– Извините, почему? Губы стануваются муокрыми?

– Нет. Целуются вообще не губами. И вообще, обычно это не то чтобы... ну, не особенно приятно.

– А зачем туогда этуо... гм... пруделывать?

– Не знаю. Наверное, мальчишкам нравится. Только им этого все равно не достаточно.

– В какуом смысле?

– Гептаруковод, 926-белая ночь имеет в виду, что мальчикам надо еще и потрогать.

– Да, им вечно надо потрогать, и все время мало! Какой бы длины ни была юбка, мальчики все равно норовят залезть за край на полдлани минимум!

– Извините, что такое «юбка»?

– Предмет женского облачения, надеваемый на бедра и закрывающий верхнюю часть ног.

– 32-индиго, у вас замечательная точность формулировок. Поздравляю вас!

– Э-э... Гм... Извините, у меня вуоуображения не хватает... Вы не муогли бы нарисовать у меня в куонспекте?... Благоударю вас...

– Слушай, 926-белая ночь, если все так неприятно, зачем тогда вообще... ну... сближаться?

– Почему неприятно? Как раз когда трогают, мне нравилось. Но некоторые вещи... Может, я не такое умное... Некоторые вещи я так и не понял...

– Какие вещи, будьте любезны?

– Ну, эти мальчики на танцах стали почему-то прижи-

маться... но не тут... А вот так, так вот...

– Вы хотите сказать, нижней пуолувинуой уорганизма?

– Да... И эта часть у них... какая-то... очень твердая и бугристая.

– Уо!... Загадуочно!

– Да, а еще мальчики иногда начинают непонятно так уговаривать...

– Угуоваривать – чтоо?

– Не знаю, что!!... Что-то хотят, и при этом обещают что-то «не порвать»!!!

– Может, юбку?

– Нет, 26-поросячье-розовое, тут все интереснее...

XV

Когда очередной мальчик, с той же присказкой: «не бойся, я могу и не порвать», добрался до горизонтального положения и снял с Ритки лифчик (тут же одичал, покраснелся, упал лицом в содержимое, и через двадцать секунд утратил временно к нему интерес), она все-таки занялась самообразованием и нашла в энциклопедии «девственную плеву», «право первой ночи», и дикое словосочетание «половой акт», после прочтения статьи о котором испытала облегчение: к приемо-сдаточному акту на стройке это все-таки отношения не имело.

Но вопросов оставалось море, главным образом технических. Каким образом этой личинкой шелкопряда можно прорвать слой кожи (так Ритка представляла себе плеву)? Зачем вообще это делать, если, судя по ощущениям, все самое интересное на потрог находится снаружи? И, наконец: что это такое, твердое и бугристое, которое они все – поголовно! – таскают в карманах на танцы?????

Когда Ритка училась в десятом, ее старшая соседка Анька уже была на третьем курсе Серовского худучилища. Лишилась девственности и пришла поделиться впечатлениями. Ритку интересовало, больно ли.

– Да, – говорит, – сначала резкая боль, ну, как кожа рвется. Потом ... уже другое... Так ноет... Пока... Ну... Это... Принимает форму... Мужского этого самого, понимаешь?

Ни фигу Ритка не понимала. Какая там может быть форма? У личинки шелкопряда?

– Так оно увеличивается, ты что, не знаешь? Это называется «встает».

Вот, блин, какое слово идиотское придумали... «Встает», это ж надо! Куда оно там встает, бледная спирохета?!... Ритка представила себе среднего размера висячую сигару телесного цвета. Ага, наверное, вставить куда-нибудь внутрь такую штуку легче, чем обычного шелкопряда. Если она типа надувается изнутри, как маленький воздушный шарик-колбаса. Понятно, понятно...

XVI

– Воинство, хотите верьте – хотите нет, но вот примерно с такими познаниями в этой области наша героиня и поступила в институт... Неужели что-то неясно? Воспарите.

– Извините, вашблестательство. А что, в этих представлениях есть что-то... ну... неправильное?...

– О-о-о... Та-ак... 26-поросячье-розовое, вы когда-нибудь воплощались материально?

– Я, вашблестательство... не так давно на практикуме было карасем, шесть раз подряд. Идея была в том, чтобы...

– Ой, избавьте. Я уже понял, что вы сдали зачет только с шестого раза. Это все?

– И еще один раз, очень давно, я рождалось наследником какого-то престола, но умерло во младенчестве...

– Все ясно с вами, снижайтесь с глаз моих и внимайте чрезвычайно внимательно. Кто знает, может, вам это тоже еще пригодится... гм... когда-нибудь в бескрайней вечности...

XVII

В первом семестре средний возраст молодых людей, допускаемых к фрагментам организма, резко вырос. Тогда Ритка впервые столкнулась со странным явлением: проводя в тесном контакте с ней достаточно долгое время, молодые люди, явно или тайно, переживали резкий дискомфорт, часто сопровождающийся болями в паху. Некоторые сгибались и жалобно стонали, некоторые начинали подпрыгивать. Димка Смирновский, стесняясь, объяснил, что это есть следствие нереализованного возбуждения. Ритка его понимала: ей самой было холодно и плохо, и сильно хотелось чего-то неясного. Но чтобы так страдать?! Смирновский был слишком скромнен, чтобы вдаваться в детали, но когда появился Лакомкин, все изменилось: пусть к полной ясности был открыт.

Леха рассказал, что эрекция – это и есть, когда «встает».

– Хорошо, но это можно как-то увидеть? – спросила Ритка. Дело было в курилке. Леха, державший ее в очень нескромных объятиях последние полчаса, покраснел и сказал:

– Можно.

– Как?

– Ну... Например... Если джинсы узкие... Это выглядит так, как будто что-то длинное и толстое положили в кар-

ман...

– Ага, – сказала Ритка и отстранила его на полметра. Оба посмотрели вниз. Леха стал цвета свеклы, а Ритка просто потеряла дар речи. Длинное... Толстое... Но не настолько же!!!

– Леха, – пролепетала Ритка, – Леха... Но ведь это невозможно!!! Ты меня разыгрываешь. Дай я потрогаю, ты туда просто что-то сунул, – она резко схватила Леху за карман, он охнул и стукнул ее по руке:

– Осторожно! Больно!

– Из человека не может расти такая штука! – закричала Ритка.

В этот момент кончилась пара, и в курилке появились ребята. Ритка с Лехой были столь живописно раскрашены, что многие поняли: есть нужда проявить такт и сгладить ситуацию. С парочкой заговорили, Леха отвечал... Но Ритка смотрела только вниз. Зачарованная зрелищем, показала пальцем на лехин карман:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.